

Сергей Раткевич

ТЕНЬ ШПАГИ

Ирния и Вирдис

Сергей Раткевич

Тень шпаги

«Автор»

2010

Раткевич С.

Тень шпаги / С. Раткевич — «Автор», 2010 — (Ирния и Вирдис)

ISBN 978-5-699-41249-5

Трудно поверить в очевидное? Трудно, если оно невероятно. Можно ли взять город, если никто не идет на приступ, не слышно пальбы, не свистят пули, не орут атакующие, не стонут раненые и умирающие, не носятся в панике эльфы и люди, не кричат от страха женщины, дети и лошади? Можно ли сержанту командовать королем? Можно ли сыну кузнеца иметь шпагу ценой в полкоролевства? Можно ли остановить войну, просто поиграв в шашки? Можно, хотя поверить в это почти невозможно. Ведь пока эта история еще не стала очевидной. Пока Карвен, седьмой сын кузнеца, только что ушел из родного дома с одним молотом в котомке. А уважаемый Верген, старый воин, которого и звали когда-то совсем иначе, даже и не думает отправляться в маленький городок Фриниль. Пока они еще не встретились...

ISBN 978-5-699-41249-5

© Раткевич С., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Раткевич

Тень шпаги

Часть первая

В кабинете наставника пахнет эльфийскими травами, свечами и старинными книгами... А еще в этих стенах витают сказания и легенды. Они словно бы ждут, когда хозяин обратит на них свое благосклонное внимание. Ну еще бы! Какому же сказанию или легенде хочется бесследно кануть в прошлое? Ясно, что никакому. Любое сказание, любая легенда надеются остаться в истории. А разве есть для этого лучший путь, чем попасться на глаза подлинному ученому, коим, без сомнения, является наставник Дэрран? Ясно, что нет! Впрочем, время истории пока не настало. Оно только близится. А пока в кабинете безраздельно царит математика. Математика, математика и еще раз математика... очень полезная для управления государством наука.

– Что ж, с математикой в целом неплохо, ваше высочество. – Старенький эльф Дэрран, наставник принца Ильтара, наследника ирнийского престола, одобрительно кивнул своему юному воспитаннику. – Хотел бы я посмотреть на того казначея, который сумеет вас обмануть.

– Пусть только попробует, – довольно разулыбался принц. – Если он слишком много вычтет из казны, я намекну ему, что, кроме вычитания, существует еще и деление...

– Король должен быть милосерден, ваше высочество, – напомнил эльф.

– Но я же не стану делить его сразу, – возразил Ильтар. – Подожду немного, быть может, он вспомнит о пользе сложения. Или даже умножения. Отец всегда дает второй шанс, было бы самонадеянно и глупо с моей стороны поступать иначе.

– Что ж, хорошо, – кивнул наставник. – Итак, перейдем к уроку истории... Сегодня я бы хотел поговорить о Дивном Народе, навсегда покинувшем наш мир во времена отдаленные, но вовсе не столь незапамятные, как утверждают невежественные люди и эльфы.

Ильтар даже подпрыгнул на месте от радости. Историю он обожал. Наставник так интересно всегда рассказывает – лучше любых сказок. Правда, спрашивает потом куда как сурово... Попробуй позабудь хоть одно слово, сказанное каким-нибудь великим героем древности!

Но ведь на то и голова на плечах, чтобы знать и помнить, а иначе какой из него правитель выйдет? Только и способный, что чужие головы снимать, потому что они лучше, чем его собственная? Нет уж! Такой государь и сам погибнет, и других погубит. Эдак и королевство развалить недолго. А ведь хватает тех, что только этого и ждут... Лучше прилежно учиться, а потом править долго и мудро. Как отец.

– Дивный Народ, – начал наставник Дэрран, – в человечьем и эльфьем просторечии иначе именуемый гномами, покинул наш мир всего – то пять сотен лет тому назад. Еще живы эльфы, помнившие эльфов, которые помнили эльфов, успевших застать последних представителей Дивного Народа. История сохранила даже фразу, сказанную, быть может, последним из гномов одному из моих соплеменников, проявившему неуместное любопытство. Она, конечно, забавная и немного грубоватая, но все же это и в самом деле последняя сохранившаяся в истории фраза, несомненно, произнесенная представителем Дивного Народа.

– Что же это за фраза? – шепотом спросил принц. – Что он ему сказал, наставник?

– «Отвали, обалдуй ушастый!» – сказал один усталый гном одному не в меру любопытному молодому эльфу, – с улыбкой промолвил наставник. – Я имею честь числить этого эльфа среди своих предков. К слову сказать, именно ему принадлежит идея создания Первой Эльфийской Академии Изящных Наук. Но я отвлекся...

Принц слушал, затаив дыхание. Впрочем, уроки истории он всегда слушал именно так.

* * *

Далеко не в каждой деревне есть свой кузнец. Хороших кузнецов вообще не так много. Непростое это дело – кузнецом быть. Поэтому деревня, в которой свой кузнец все же есть, отличается от прочих. И еще как!

К хорошему кузнецу едут издалека. Тому серп сковать, тому – косу, тому – нож, а тому и вовсе коня подковать. Да мало ли что в хозяйстве потребуется? Без кузнеца – никак. А хороших кузнецов – раз, два и обчелся. Вот и едут к тому, о ком молва добрая. Людям ведь хочется, чтоб на совесть сработано было.

А приедем надо где – то жить. Вот они и вынуждены к соседям кузнеца на ночлег да проживание проситься. Те их, разумеется, пустят да все полагающиеся по такому случаю благодарности выслушают. Всей деревне, значит, через кузнеца почет и уважение идет. Кузнец – самый главный после священника человек получается.

Эрвен, кузнец деревни Лоннери, умирал. И вся честно заработанная им слава, которой он при жизни щедро делился со своими соседями, не могла остановить приближение конца.

Был вечер. Золотистое сияние заката медленно таяло, уступая место надвигающейся от земли черноте. И точно так же таяла, истончалась кузнецова жизнь, уступая торжественному и неумолимому движению смерти.

Карвен, младший, седьмой сын кузнеца, стоя на коленях в комнате отца, читал при свете свечи Вечернюю, эльфийскую, молитву. Он так надеялся, что отец дотянет до утра и умрет на рассвете, под Утреннюю, человеческую...

– Не переживай... сынок... – силясь улыбнуться, прошептал отец. – Я и с ихними... Богинями... общий язык как-нибудь найду. Мы, кузнецы... народ ушлый...

– Держись, папа! – глотая слезы, прошептал Карвен. – До рассвета ведь всего ничего... ты только потерпи чуточку...

Отец ободряюще улыбнулся сыну, и тот, до крови прокусив нижнюю губу, вернул улыбку. И даже подмигнул.

«Я не заплачу! Ни за что! Еще не время! Рано еще! Отец еще жив!»

Его руки крепче сжали книгу «Молитвы для Утра и Вечера».

Он читал, не замечая крови, стекающей по подбородку. Читал медленно и старательно. Так, как священник когда – то учил.

Ветхий полуэльф ушел с час назад, когда стало ясно, что никакие эльфийские травы и молитвы о ниспослании здоровья больному уже не помогут. Когда за ним закрылась дверь, больной кузнец окончательно превратился в умирающего. За умирающего имеют право молиться только близкие. Священник прочтет молитву у себя в храме, скажет Напутственное Слово над гробом покойного, но провожать в последний путь – дело родни. Так от веку заповедано Богом Дня и Богинями Утра, Вечера и Полночи. Так тому и быть, Пока мир стоит.

– Сынок... – прошептал отец, и стройная молитва прервалась.

– Да, отец? – выдохнул юноша, судорожно стирая кровь с лица.

– Где же наши? Почему ты один?

– Купец Осмет приехал, – дрогнувшим голосом ответил Карвен. – И Харме Длинный с ним. Они хотят ярмарку делать. Братья нанялись к ним. Все для ярмарки устраивать, помогать там... и все такое.

– Ага, – прошептал отец. – Хорошее дело. Осмет... хорошо платит, а лишних... денег... не бывает. Ну... пусть так. Ничего.

В уголке кузнецова глаза предательски блеснула слезинка.

– Гадость... какая, – прошептал кузнец. – Совсем раскис. Мужчина я или кто? Сынок... вытри мне глаз. И оставь, ради всех эльфийских дев, эту книжку. Я ее... с детства помню.

Карвен торопливо отложил молитвенник, нагнулся к отцу и чистым платком вытер набежавшие слезы.

– Не боюсь... уходить. – Кузнец беспомощно поглядел на сына. – Жаль только... не проститься... с остальными.

– Я бы их мигом позвал, но Осмет их куда – то с поручениями услад, – соврал Карвен. – То ли в соседнюю деревню, то ли еще куда.

Не станешь же говорить умирающему, что в соседней комнате его старшие сыновья преспокойно делят отцовское наследство, намереваясь продать кузницу со всем, что к ней прилегают, и вступить в долю с окаянными купцом!

«Ну почему? Почему отец не женился во второй раз?! – с отчаянием подумал Карвен. – Мачеха бы дом удержала. И кузню. И братьев бы устыдила. Они бы не посмели! Сволочи, сволочи!»

– Губу прокусил, – заметил отец.

– Это я случайно, – поспешно сказал Карвен и приложил ко рту платок. Вот же беда! Скорей бы засохло, что ли...

– Я так и понял, – едва заметно усмехнулся отец. – Приложи – ка игус, а то рубаху кровью замараешь, а губа еще распухнет, чего доброго. Девки потом смеяться станут.

Карвен чуть не заплакал. Даже в последние часы жизни старый кузнец думал не о себе!

«А эти... эх, братья – братья...»

Он торопливо вскочил, отыскал шкатулку с лекарствами, открыл, достал листок игуса и приложил к губе.

– Так – то лучше. Немного поддержишь, и никакого следа не останется. В молодости он меня частенько выручал, этот эльфийский цветок. Любил я в молодости подраться...

«Ты не заплачешь. Не смей! Не смей, я сказал!»

– А ну – ка... повтори мне «Основы кузнечного ремесла, от предков завещанные»! – попросил кузнец, когда Карвен отнял руку с листком игуса от губы и убедился, что кровь больше не течет. – Зря я тебя, что ли, учил?

«Зря, папа... но этого я тебе никогда не скажу!»

– А как же молитва? – промолвил он вместо этого.

– Подождет молитва. В любом случае... я намерен... дождаться Рассвета. Раз уж тебе... кажется, что это важно.

Могучие руки кузнеца бессильно покоились поверх одеяла. Никогда ему уже не взять молота. И сыну его молота не держать.

«Что ж ты так плохо нас воспитывал, папа?! Что ж так мало драл за уши?! Все боялся, что рука тяжелая... Ну почему мама ушла так рано? Почему ты не женился еще раз? Не умирал бы ты сейчас почти совсем один! Не пиновала бы сейчас в соседней комнате стая коршунов... братья, называется! Как они могли?! Как?!»

– Основы кузнечного ремесла, от предков завещанные... – нарочито размеренным тоном начал Карвен. Так, словно ничего не случилось. Словно ничего не может случиться.

А свеча горела спокойно и ровно. И большие синие тени прятались в углах. Так продолжалось всю ночь, всю долгую ночь до самого рассвета. Сын говорил, а отец слушал. Сын отвечал, а отец внимал этому ответу, словно бы брус металла на ладони взвешивал, прикидывая, будет ли толк, или все – одна ржавчина? И горела свеча, ровно горела, и синие тени смотрели из темных углов, и чем дольше говорил сын, тем ясней становилось лицо отца, радовался он, что сын верно воспринял отцовские наставления. И так продолжалось всю ночь, всю долгую ночь до самого рассвета.

– Еще раз – как осуществляется эта проковка? – вдруг спросил кузнец. – Еще раз и подробнее!

– Рассвет, отец! – испуганно выдохнул сын, повернувшись к окну.

Он и сам не заметил, как ночь миновала.

– Неужели ты думаешь, я не чувствую? – странно улыбнулся кузнец. – Ведь это мой последний... а ты не печалься, за любимым делом время незаметно бежит. Вот эта ночь для тебя и пробежала. Так и жизнь пройдет, как эта ночь... оглянуться не успеешь. Главное – хорошо свое дело делать. Для того и живет человек. Итак, проковка...

– Папа, а молитва? Я же должен...

– Это и будет самой лучшей молитвой! – твердо ответил кузнец. – Другой мне не надо.

Карвен, запинаясь, заговорил, и, как всегда, когда речь шла о любимом деле, голос его постепенно окреп; вскоре он уже с удовольствием рассказывал отцу самомалейшие подробности данного кузнечного приема.

– Так, – кивнул отец, когда он закончил, – книжную премудрость ты отлично усвоил, ну а с ее исполнением у тебя всегда все хорошо было. Давай – ка обнимемся напоследок...

Кузнец рывком сел на постели, и подскочивший сын успел сжать его в объятиях.

– Доброе утро, сынок... – прошептали холодеющие губы.

А ласковое рассветное солнце словно бы заливало комнату тем благородным металлом, с которым простой сельский кузнец никогда не работал.

– Доброе утро, папа...

* * *

Карвен решительно перешагнул порог и навсегда захлопнул за собой дверь. Дождаться похорон, лживых слез старших братьев и последующего раздела нажитого отцом имущества он не стал. Прихватил лишь отцовский любимый молот. Чтоб котомка не пустовала.

Тяжело таскаться? Кому другому, может, и тяжело, а кузнецову сыну в самый раз выходит. Вздохнув, что ничего нет на память о матери, он решительно направился на деревенское кладбище. От приступивших с изъяснениями соболезнований отмахнулся.

– Потом, уважаемые, все потом...

От парня отстали. Достаточно было увидеть слезы в его глазах, услышать его голос... Люди, они ведь не каменные... они все понимают.

– Братья загодя в городе бумагу выправили, – донеслось до него. – А Карвен все с отцом да с отцом... а против бумаги не попрешь... разве ж человек что – то может супротив бумаги?

– Братья?! – гневно возразил другой. – Да какие они ему братья?! Последний душегуб и висельник с такими родство водить откажется!

«Люди, вы же все понимаете, так почему же вы, черт вас всех подери, не понимаете ни черта?!»

Вот и могилка матери. Карвен упал на колени и наконец разрыдался в голос.

– Вот и все, мама! – давясь рыданиями, шептал он. – Вот и все! Скоро вы опять будете вместе! И все будет хорошо, правда?! Его принесут... и положат. Рядом с тобой положат. И вам будет хорошо. Здесь... так много солнца. Даже зимой. А я... не скоро вернусь, ты уж прости. Но в конце концов... ведь когда-нибудь мы все... обязательно встретимся, правда?! И тогда некоторым будет очень стыдно, но я не о них... Я люблю тебя, мама... и отца тоже люблю... а теперь... мне нужно уйти, понимаешь? Я вернусь...

Горсть земли с могилы матери, аккуратно завернутая в платок и спрятанная за пазухой, да тяжелый отцовский молот – вот и все богатство, с которым седьмой сын кузнеца покинул отчий дом.

– Карвен, куда ты? – окликнули его на краю деревни.

– Куда глаза глядят, – буркнул он, не заботясь, будет ли услышан ответ. И не останавливаясь прошел мимо.

Второй раз его не окликнули.

* * *

Тот, кто уходит куда глаза глядят, рано или поздно приходит на большую дорогу. Большая дорога встретила Карвена разбойничьим свистом. Он шел, оплакивая отца, вспоминая мать... и даже не сразу понял, что именно с ним произошло, когда трое неприятного вида незнакомцев загородили ему дорогу.

– А ну стой, мил человек! – проговорил один. – Отвечай, кто таков, куда идешь?

– Не знаю, – сквозь слезы ответил юноша. – Отстаньте.

Столь невежливый ответ незнакомца только развеселил.

– Ну надо же! – воскликнул он, обращаясь к двум другим. – «Отстаньте!» Вы это слышали? Отстаньте от него! Да мы к тебе еще и пристать не успели! – вновь повернулся он к юноше. – А ты уже хамишь. Безобразие. Такой молодой и уже наглый. Тебя папа с мамой разве не учили, что со старшими нужно вести себя вежливо? Кланяться, здороваться, на вопросы отвечать... и делать, что скажут, верно?

Упоминание отца и матери... сами эти слова в устах неопрятного и наглого чужака взбесили Карвена.

«Да как они смеют!»

«Папа с мамой учили, что нельзя обижать слабых!» – тотчас подумалось ему, и он сдержал гнев.

«Таких, небось, разок – другой ударить, так ведь и за священником бежать придется!»

Продолжительное молчание странного заплаканного юноши показалось главарю разбойников обнадеживающим знаком. Паренек, конечно, крепкий, слов нет – крепкий, но ведь ревет, словно размазня какая, сопли со слезами утирает. Короткой вспышки гнева у своей предполагаемой жертвы он попросту не заметил, не разглядел внезапно потемневших глаз.

– По твоему лицу я вижу, что ты вспомнил родительские наставления, – продолжил главарь разбойников. – Раскаялся и решил быть вежливым и слушаться. Так что если ты просто достанешь то, что у тебя в котомке, и отдашь мне, я даже не стану на тебя сердиться. И наказывать особо строго не стану. Так, для виду, разок – другой врежу... как бы для порядку, что ли...

– Чтоб ты потом мог честно сказать, будто тебя злые люди ограбили, – добавил другой разбойник.

– Чтоб никто не говорил, что ты хвастаешься, – присовокупил третий.

«Да это же самые настоящие разбойники!» – смекнул Карвен.

Ему стало грустно. Про разбойников столько всякого интересного люди рассказывали, а тут... недоразумение какое-то. Что, вот это и есть разбойники? Те самые прославленные лихие люди?

Карвен медленно снял котомку с плеча и опустил ее на землю, а потом нагнулся, развязывая.

– Дать тебе? – спросил он с какой – то непонятной интонацией, справляясь с хитроумным крестьянским узлом. – Дать тебе то, что у меня в котомке?

Когда он разогнулся, в руках его оказался здоровенный кузнечный молот.

– Так куда тебе дать? – нехорошо улыбнулся юноша, в упор глядя на разбойничьего главаря. – В глаз, по лбу или просто по голове?!

Даже если бы у каждого разбойника внезапно выросло по десятку ног, они все равно не сумели бы убежать еще быстрее.

Карвен сунул отцовский молот в котомку и пошел дальше.

* * *

– Ну, и как твой урок фехтования? – спросила королева Кериан у своего сына.

– Отлично, – ответил принц Ильтар. – Наставник сказал, что в случае какого-нибудь турнира или поединка он за меня спокоен. Сказал, что пора переходить к более серьезным вещам.

– Он имел в виду нападения и покушения?

– Примерно. Заговорщики не придерживаются законов чести и правил ведения боя, среди них полно невменяемых типов, готовых на все ради поставленной цели, а кроме того, они иногда нанимают профессионалов высокого уровня. Это совсем не то же самое, что поединок с принцем какой-нибудь соседней державы.

– Верно, – вздохнула королева. – Кстати, я приготовила для тебя подарок.

И королева подала сыну широкую и плоскую, тяжелую даже на вид шкатулку красного дерева.

У того аж глаза на лоб полезли от удивления.

– «Этре»... – потрясенно выдохнул он. – Мне?! «Этре», заговоренный самим Орегаром! Мама... это... я даже не знаю, что сказать... ведь это же... это же сумасшедшие деньги... даже для нас – сумасшедшие...

– Пистолеты «Этре», заговоренные великим Орегаром, действуют на всех магов и магических тварей без исключения, – медленно сказала королева. – Они действуют даже на самого Орегара. Однажды его из такого пистолета ранили, я справлялась. Он тогда едва выжил. А кроме того, они защищают своего хозяина от всех видов магического воздействия.

– Мама, боюсь показаться неблагодарным, но... я понимаю, что королевство может позволить себе такой расход, а королева – такую прихоть, но... зачем? Этот пистолет стоит столько же, сколько рота королевских стрелков.

– Полагаю, мой сын стоит не меньше, – откликнулась королева. – Или даже куда больше. Он у меня всего один. У королевства ты, кстати, тоже один. Кто наследует отцу, если тебя вдруг убьют? Уж смута в государстве в случае твоей смерти обойдется дороже этого пистолета, можешь не сомневаться. А что, если какой-нибудь маг возьмет тебя под контроль? Кукла на троне, безвольное орудие чужих прихотей – это может оказаться куда хуже любой смуты. Тогда мне самой придется тебя убить. Нет уж! Лучше научись стрелять из него как следует и в случае чего бей без промаха и промедления!

– Спасибо, мама.

– На здоровье, сынок. Хотела бы я тебе подарить вместо этого пистолета счастливую и спокойную жизнь, но...

– Для этого я просто должен был родиться кем – то другим, – ухмыльнулся принц Ильтар. – А я, идиот, родился наследником престола. Значит, так мне и надо!

Он восторженно посмотрел на пистолет у себя в руках.

– Береги его. Постоянно держи при себе – и не болтай о нем, – добавила королева. – Вообще никому о нем не рассказывай, ладно? Пусть это будет нашей маленькой тайной!

Принц вновь посмотрел на «Этре»... задумчиво так посмотрел.

– Ты кого – то подозреваешь? – очень серьезно поинтересовался он.

– Никого конкретно, но... сам понимаешь.

– А отцу тоже не рассказывать? – нахмурился принц.

– Я сама скажу.

Он разглядывал пистолет с таким искренним восторгом! Почти так же он смотрел на своего первого пони. Потом – на первую в своей жизни шпагу.

На роту личной охраны он смотрел уже по – другому.

– Эти люди и эльфы умрут за тебя, – сказал ему тогда наставник Дэрран. – Умрут по первому твоему слову. Умрут, выполняя любой твой приказ. Ты несешь ответственность за них, за их жизни – точно так же, как когда-нибудь, взойдя на престол, примешь ответственность за всю Ирнию.

Ее величеству хорошо запомнилось, как ее сын смотрел на выстроившуюся, словно на параде, роту. Как вдруг ссутулились его плечи, словно принимая на себя всю непомерную тяжесть ответственности. Как он потом с усилием выпрямился, обведя мир спокойным и гордым взглядом взрослого. Да. Он – принц. Да. Ему доверены все эти люди и эльфы. Он будет о них заботиться. Он сделает все, чтобы им было хорошо. А потом, когда придет его черед, позаботится и обо всей Ирнии. Он принимает эту ответственность на себя. Как его героический дядя. Как отец.

Королева Кериан печально улыбнулась.

«Он еще не скоро привыкнет к мысли, что у него действительно есть собственный „Этре“, не скоро поймет, что эта безумно дорогая и невероятно надежная штука вправду принадлежит ему. Что ж, это и хорошо. Он действительно научится с ней обращаться. Как следует научиться. Лишь бы хватило времени».

«Интересно, получится ли тайком от несносных в своем любопытстве фрейлин продать еще одно бриллиантовое ожерелье? Тогда можно было бы купить такой и мужу. И, черт всех побери, я бы не отказалась от такого пистолета сама! А еще интересно, что скажет любимый супруг, когда узнает, что его жена, королева, мать наследника престола, и прочая, прочая, переодевается в костюм пажа, тайком выскальзывает из дворца, переодевается еще раз, уже в городское одеяние, и шляется по разным подозрительным местам, продавая украшения и покупая пистолеты?»

Королева и сама не знала, отчего ей хочется, чтобы у мужа и сына обязательно были эти пистолеты. И уж тем более не понимала, для чего такой пистолет ей самой. Но она не задумываясь отдала бы за это все свои драгоценности.

Мудрые люди не дают воли своим прихотям, но всегда подчиняются движениям сердца, а мудрость не всегда прячется под личиной седобородой старости. Седобородый старец как раз может оказаться распоследним дураком, а мудрой может быть и молодая женщина. Даже королева может быть мудрой, если очень постарается. Если все – таки сделает то, что почему – то кажется важным.

Королеву терзали невнятные опасения. Что – то могло случиться. Что – то пока смутное и страшное... но во всем этом как – то были замешаны маги и магические твари. Как – то... Ее величество не знала, как.

В королеве было достаточно эльфийской крови, чтобы среди грохота мира расслышать тихий шорох надвигающейся опасности, и достаточно здравомыслия, чтобы принять в расчет предупреждения внутреннего голоса.

Именно поэтому она не то что государственной казной – своими личными деньгами пользоваться не хотела. Их ведь отследить можно. Да что там, проще простого их отследить. Тому же казначею вполне доступно. Или его помощникам. Или секретной службе. Или... да мало ли еще кому?

Не от сына и не от мужа, чей пистолет был следующим на очереди, королева скрывала свои расходы, а от кого – то совсем неведомого, невзрачного, незаметного, от кого – то, на кого и не подумаешь, но кому ни в коем случае не следует доверять. А если знать кто, если знать заранее, так и вообще повесить без суда и следствия. Вот только как о подобном узнаешь?! Как определить холодную и лживую тварь среди сотен улыбающихся лиц? По лживой улыбке и лживым глазам? Полноте! Здесь, во дворце, где почти половина улыбается, потому что положено улыбаться?! Улыбается, кланяется, лебезит перед их величествами... да здесь улыбки через одну лживые! И ведь не потому, что среди толпы придворных и в самом деле

есть хоть один настоящий предатель. Просто их с детства учили, что так надо. Просто они по – другому не умеют, да и не хотят они уметь по – другому.

Королева продавала свои драгоценности, потому что это было единственным до поры до времени не отслеживаемым источником денег. Тех самых денег, на которые она купит пистолеты. О которых никто не будет знать. Которые могут оказаться решающим аргументом, если о них никто не узнает. Ведь если никто, значит, и враги не узнают. Не узнают, не смогут принять ответных мер.

Иногда для полной победы не хватает сущей малости. И случается, что именно эта самая малость спасает жизни и судьбы, в трудную минуту оказываясь решающей.

Лучше всего иметь – таки эту самую малость про запас. И если ее величеству кажется, что это должны быть пистолеты «Этре»...

* * *

– Работу ищешь? Кузнецовых кровей? На молоте спал, наковальней укрывался? – Словоохотливый старичок, встретившийся на краю попутной деревни, заговорил Карвена чуть не до смерти. Зато показал дорогу к местному кузнецу, коему вроде бы требовался помощник. Правда, радоваться заранее Карвен не спешил. Старичок то и дело пересыпал свою речь обмолвками вроде «если я правильно помню», «если я ничего не перепутал» и даже «если мне все это вчера не приснилось» – и безоговорочно полагаться на его болтовню не стоило.

Одно было ясно – кузнец в деревне все – таки есть. Потому как то, что впереди, – несомненно кузня. А то, что горделиво разносится по всей округе колокольным звоном, – голос кузнечного молота. Собственно, Карвену и провожатый был не особенно нужен, он бы и так дошел, ориентируясь на знакомые с детства звуки. Но когда чужака приводит и представляет кто – то из своих – это всегда правильнее. Доверия больше. Мало ли кто эдак с большой дороги забрести может?..

– А чего я еще слышал, если только опять что – то не путаю, а то ведь у меня память что твое решето, – тархтел старичок. Его голос звучал размеренно, словно сверчок стрекотал. – Сосед кумы мельника, это не тот, который окривел, а тот, что справа, слышал от своего брата, у которого в прошлом году чуть телегу не украли и который в соседней деревне живет; так вот, брат его говорил, что доподлинно слышал, как его двоюродная тетка рассказывала то, что она услышала от кого – то из проезжавших по большаку вроде бы бардов, если это только были не конокрады, впрочем, она не видит особой разницы, но будто бы они говорили промеж себя, что наш король вновь воевать собирается. Если он, конечно, наоборот, не мирится. Впрочем, как же он может помириться, если еще не воевал?

Карвен потряс головой. Ворох чужих слов, как попало в нее обрушившийся, к несчастью, обратно не высыпался. А жаль. Иной такую окрошку из слов соорудить умудряется... вот сам бы этим и питался, так нет же – других кормит!

«Сколько уж лет прошло с той войны, о которой ты рассказываешь, – подумал Карвен. – Впрочем, кто знает – может, ты на ней побывал и тебе так перепало, что все теперь в голове путается?»

– А вот и кузня, парень, – мельком обронил старичок. Ну да, конечно, у него ведь были куда более важные вещи, кои обязательно следовало сообщить мимохожему пареньку, особенно если он все – таки тут останется. – А я ж тебе еще не рассказал, какие есть возможности для войны и для мира и какие от этого для государства могут быть последствия, особенно если король не мирится, а, наоборот, воевать изволит, если мне все это, конечно, не приснилось... Одного не пойму – как мне мог присниться сосед кумы мельника, я ведь его терпеть не могу, а если мне сама кума приснилась, то как я после этого вообще проснулся?

– Не знаю, – искренне ответил Карвен, решив, что с кузнецом он как-нибудь сам поговорит. Избави Боги от такого посредника! – Не знаю, как вы проснулись, уважаемый, не уверен, что с вами это произошло, но все же благодарю вас за доброту, за беседу и за то, что до кузни проводили!

– Так ты считаешь, я до сих пор сплю? – удивился старичок. – А как же это ты мне снишься, если я тебя впервые вижу? Или мы где – то встречались, а я позабыл?

Карвен оставил его размышлять над этим вопросом в одиночестве.

Решительно поклонившись, он отвернулся от неугомонного старичка и шагнул на порог кузни.

Меньше всего его в этот момент волновали какие бы то ни было войны. Войны – удел благородных, им, известное дело, без войны не естся и не спится. А простому человеку до войны дела нет. Лишь бы под горячую руку ненароком не попасть.

* * *

Карвен распахнул дверь, и ему показалось, что он вернулся домой. Не в тот дом, из которого ушел так недавно, терзаемый горем и негодованием, а в тот, в который мечтал вернуться когда-нибудь после смерти. Просто распахнуть дверь... распахнуть дверь и увидеть спину отца, услышать голос матери: «Сынок, где ж ты пропадал так долго?»

Из распахнутой двери на него дохнуло воздухом прошлого. Воздухом детства.

Но нет, это была совсем другая кузня. И совсем другой кузнец обернулся к нему, оторвавшись от своей работы. Совсем другой, а все же...

«Когда-нибудь я вернусь. Когда-нибудь я просто приду домой».

– Подручным? Со своим молотом? – Невысокий, широкоплечий, почти как отец, его рыжеусый собрат по ремеслу, прищурившись, окинул Карвена придирчивым взглядом. – Есть у меня подручный, парень. Заболел, правда. Так то – ненадолго.

– Так мне и надо ненадолго! – обрадовался Карвен.

– А почему это тебе надо ненадолго? – еще пристальнее всмотрелся в него кузнец. – Когда человеку работа в радость, он надеется, что это надолго. А если тебе не в радость – зачем ты мне? Все портить и под ногами путаться? Таких помощников и даром не надо!

– Да нет же! – испугался Карвен.

Как же неверно его поняли! Интересно, это он сам неудачно выразился или кузнец попался такой подозрительный? И чего это он, в самом – то деле?

– Я хорошо работаю, – сказал Карвен. – И работа мне в радость, честное слово! Просто я здесь мимоходом. Мне бы просто денег на дорогу заработать, и все.

– А куда направляешься, позволь спросить?

И вот дернули же черти за язык! Не мог придумать что-нибудь. Ведь чувствовал же, что нельзя такое говорить!

– Куда глаза глядят, – брякнул он и понял, что пропал. Здоровенная ручища мигом сгребла его за шиворот.

– Так – так – так... – с нехорошим интересом протянул кузнец. – Денег на дорогу заработать – и дальше... мимоходом... а цели никакой и вовсе нет... куда глаза глядят, да? А куда они у тебя глядят, интересно? Если нет никакой цели и ты все равно идешь, куда придется, зачем тебе вообще куда – то идти? А ты идешь. Осталось выяснить, от кого ты скрываешься. И почему. Украл что? Убил кого-нибудь? Соседскую девицу соблазнил?

– Нет, – потрясение выдавил Карвен, понимая, что хоть он и сам парень не слабый, но из кузнеческой хватки вряд ли вывернется.

– Что – нет?

– Все – нет! – ответил Карвен. – Ничего этого я не совершал.

– Значит, просто сбежал из дому? – уже менее грозно, но еще более мрачно поинтересовался кузнец.

– Не сбежал, – покачал головой Карвен. – Просто ушел.

– Просто ушел? – вскипел кузнец. – А твой старик – отец сам машет молотом?! Ведь ты из наших, я же вижу! Неужто тебе отца с матерью не жаль?!

И Карвен не выдержал. Толкнув кузнеца в грудь с такой силой, что тот выпустил его и с размаху сел на пол, он заорал во все горло. Заорал, чувствуя, как подкатывают слезы, чувствуя, что еще немного, и он попросту разревется. Позорно, как маленький, разревется перед незнакомым человеком, пусть и кузнецом...

– Да что ты понимаешь?! Ты же ничего не понимаешь! Умер у меня отец, понятно?! Умер! И мать умерла!

– А ты отцовское наследство бросил и гулять отправился? – потирая грудь, хмуро спросил кузнец. Уже куда более мирно спросил. И не потому, что чужого крику испугался. Просто... хорошие люди, они чувствуют, когда другому несладко. Ну, может, не всегда сразу чувствуют, а все же...

– Отцовское наследство братья делят, – немного успокоившись, с горечью ответил Карвен.

Ну вот, он хотя бы не опозорит себя, разрыдавшись, как маленький...

Ему стало стыдно, что он наорал на человека старше себя. Может, разбойники правы были? Забыл он наставления отца с матерью. Никого не уважает, почем зря всем хамит. Так и самому недолго разбойником сделаться. Надо поскорей себя в руки брать, пока хуже чего не вышло.

– Быть того не может, чтобы братья брата на улицу выбросили, – недоверчиво покачал головой кузнец, подымаясь на ноги. – Да еще – кузнецы. Это где ж такие сволочи – то водятся?

– Если бы они кузнецами оставались, твоя бы правда была, – вздохнул Карвен. Так ему обидно стало, что хоть плачь. Да что ж это такое на самом – то деле? Да разве так делается, как братья поступили?! Вон и человек не верит... Не абы кто – кузнец, настоящий мастер. Не верит. Потому что не делают так люди. Не делают! Так и вообще быть не должно!

«Где ж такие сволочи – то водятся?» – через него братья теперь еще и деревню опозорили.

Или ему молчать нужно было? Но разве такое утаишь? Это даже ведь не шило в мешке, это горячие уголья в кармане. Все равно люди узнают. Все узнают. И что братья сделали. И кем стали.

– Что значит – оставались? А кем же они стали? – промолвил кузнец, глядя на парня с куда большим доверием и даже некоторым сочувствием. Видать, и впрямь крепко ему досталось, раз на того, к кому работы искать пришел, руку подымает. По всему видать – не дурак. А умные люди так не делают. – Так кем же стали твои непутевые братья?

– Торгашами, – ответил Карвен. – Это они только думают, что купцами, а на деле – торгашами. И начали с того, что решили продать отцову кузню. Деньги им понадобились. Он еще живой был, а они уже... в соседней комнате... что кому достанется, делили...

– И тебя обделили? – спросил кузнец. Нарочно спросил. Он уже знал, что ему сейчас ответят. И даже готов был к новой вспышке обиды, быть может, даже ярости и гнева. Но ведь нельзя в себе такое носить. Да еще в столь юном возрасте. Пусть уж выкричится парень. Выкричится, а если повезет, то и выплачется. Небось полегчает маленько. Он ведь гордый... Чужим людям жаловаться не станет, а своих у него не осталось. Один он на белом свете. Как есть один. – Неужто никакой доли тебе братья не выделили?

Однако юноша быстро пришел в себя, подавил и гнев, и обиду. И ответил, подобравшись, словно канатный плясун перед опасным прыжком, словно боец перед решительным ударом. Спокойно ответил, с достоинством:

– Я с отцом был. Без меня делили. У меня совета не спрашивали. И так знали, что отвечу.

– Понятно, – вздохнул кузнец, совсем по – другому глядя на своего собеседника. – Ты – младший?

– Да, – ответил Карвен. – Седьмой сын. Дочерей у матери не было.

– Все равно можно попробовать... ну, как законники говорят, опротестовать. Как – то бороться. Я не силен в этих делах, но можно посоветоваться с нашим священником, съездить в город и...

– Вот братья в город и поехали, – перебил его Карвен. – Как только стало ясно, что отец не встанет, сразу же и поехали... и вернулись с бумагой...

– С бумагой, значит... – сказал, будто ругательство выплюнул, кузнец. – Понятно. С бумагой – это да... Что ж, я тебе верю. Ты получишь работу.

И привычные с детства стены кузни приняли Карвена в свои объятия. У него вновь, пусть и временно, был дом.

– Звать меня Грейф, – представился кузнец, протягивая широкую, как лопата, руку. – А тебя?

– Карвен. – Юноша благодарно вложил в нее свою ладонь. – Труд рук моих – твой, наставник, – произнес он древние слова клятвы, переходившие из рода в род, от кузнеца к кузнецу.

– Труд рук твоих – мой, подручный, – откликнулся кузнец, сжимая руку. – Ты будешь сыт, одет и защищен. Что ж, бери молот, покажи, на что способен. – Грейф приглашающе кивнул Карвену, и тот радостно шагнул на привычное место. Отцовский молот мигом оказался в его руках.

Кузнец посмотрел на парня и вздохнул. Этот не станет плакать – так и будет носить в себе свою боль, пока та не разест его, словно язва здоровую плоть. И что тут сделаешь?

Грейф вновь вздохнул и пожал плечами.

Плохо быть слишком сильным. Так же плохо, как слишком слабым. Но Боги, создавая этот мир, зачем – то сделали его именно таким. Им, как говорится, виднее...

«Все в ладонях Утра, Вечера, Ночи и Дня!»

* * *

– Ваше высочество, мне почему – то кажется, что вам давно пора спать, – удивленно промолвил мастер Джарлин, придворный бард – наставник, решивший скрасить одолевшую его бессонницу посещением дворцовой библиотеки.

Принц Ильтар медленно поднял глаза от толстого старинного тома. В свете свечи бард с изумлением увидел, что лицо его высочества мокро от слез.

– Господи, ваше высочество! Что случилось?! – испугался бард. – Вам нужна помощь?

Принц покачал головой. Сначала просто покачал. Потом яростно помотал ею из стороны в сторону. Сорвавшиеся со щек слезы разлетелись радужными брызгами. Зоркие глаза эльфа углядели это чудо, а обеспокоенный состоянием принца разум... жадный до эффектных образов разум барда безжалостно и точно отметил и зафиксировал всю эту красоту.

«Ваше высочество, еще раз!» – чуть не выдохнул восхищенный внезапным видением эльф.

– Ваше высочество, что случилось? – обеспокоенно повторил придворный бард высшего ранга.

– Наставник... – Голос принца дрогнул и сорвался. Замер на миг: – Наставник, – на сей раз принц справился с голосом; давешние упражнения все же не пропали зря, хоть его высочество и не уделил им должного внимания, – наставник, это так прекрасно!

Эльф вздохнул с облегчением. Если принц прослезился всего лишь от избытка чувств, найдя нечто столь прекрасным, что все прочие способы выражения восторга почел недостаточными, то его наставник может лишь радоваться. Бывает ведь такое. Есть невероятная, под-

линая красота, которая властным мановением руки останавливает попытки выразить самое себя, неважно, в слове ли, в звуке, в цвете или в движении... для каждого эта красота – своя, нечто сродное именно тебе, как бы продолжение твоей души в безмерность мироздания. Когда чувствуешь такое... это любовь. Она поражает, как удар молнии, как выстрел в упор, слезы – единственный доступный нам способ откликнуться. Мы можем плакать – это восхитительное счастье, самый потрясающий из даров, доверенных нам Богинями. Так неужто принц уже научился?

Эльф хотел поинтересоваться, что именно так впечатлило принца, но тот уже вскочил, опрокинув кресло. Книга плясала в его сильных, внезапно ставших непослушными пальцах.

– Наставник, посмотрите... Вот...

– Ваше высочество, вы прочли это в подлиннике? – изумленно переспросил бард.

– Вы сказали, что... я мало занимаюсь... я решил, что вы правы, решил, что буду сам... почему вы должны лишнего трудиться, раз это я – лентяй? Я решил сам, дополнительно... сначала ничего не выходило толком... а потом... Вот эти несколько строк... до меня вдруг дошло, как это... каково это... Вы всегда говорили, что гномы были великие мастера стихосложения, наставник, что ни эльфы, ни люди им и в подметки... но я никогда не думал, что это будет... так... это же не просто красиво... это... у меня слов нет, как это все...

– А их и нет, ваше высочество, – печально улыбнулся наставник Джарлин. – У гномов они были, а у нас, грешных... Светлыми Богинями вместо слов нам дарованы слезы. Мы можем читать, восхищаться и плакать.

– Как жаль, что я так поздно родился! – воскликнул принц Ильтар. – Вот бы на лет семьсот раньше!

– Я неперестанно вздыхаю о том же самом, ваше высочество. Но Богу и Богиням виднее, кто и когда должен был родиться.

Принц полуприкрыл глаза и прошептал полюбившиеся строки.

– Я и не подозревал, ваше высочество, что вы окажетесь способны так быстро продвигаться в изучении верхнегномьего, да еще и научитесь так остро и тонко чувствовать, – почти благоговейно молвил эльф. – Впрочем, в последнем ко мне на помощь пришли не только Богини – величайший из ведомых нам гномьих поэтов приложил к этому благородному делу свой ослепительный молот!

* * *

– Как стемнеет, приходи сегодня на сеновал, – подмигнув, заявила Линнэ, дочь кузнеца Грейфа, ловко проскальзывая в отведенную Карвену комнату.

– Что? – удивился он.

– Ты туповатый или просто глухой? – фыркнула девушка. – Когда стемнеет, приходи на сеновал! Может, ты еще и зачем я тебя зову, не знаешь?

– Не приду, – оправившись от растерянности и смущения, покачал головой Карвен.

– Что значит – не приду? – возмутилась девушка. – Почему это?

– Я у твоего отца работаю. Как я могу с дочерью хозяина путаться?

– Да не бойся ты! – фыркнула Линнэ. – Никто ничего не узнает. Можешь мне поверить. Не в первый раз.

– А я и не боюсь, но... Все равно не приду, – упрямо пробурчал Карвен.

– Да что ты, как теленок, «му» да «му»! Тебе говорят – приходи, значит, приходи. Нравись ты мне, понятно?

– Да, – ответил Карвен. – Понятно.

– Так придешь?

– Нет.

– Вот как?! Значит, ты мне нравишься, а я тебе – нет? – вскипела девушка. – Получается, ты мной пренебрегаешь? Да ты хоть понимаешь, что я могу с тобой сделать?!

– Понимаю, – кивнул Карвен. – Ничего.

– Ах так! Знай же, если не придешь, я скажу отцу, что ты ко мне приставал! – пригрозила Линнэ. – Увидишь, что он с тобой сделает.

Карвен от неожиданности замер с разинутым ртом. Подобного коварства он не ожидал.

– Ага! Испугался! – торжествовала девица. – Все вы, мальчишки, смелые, пока на вас как следует не прикрикнешь!

Карвен молчал. Этот дом... такой привычный, такой настоящий... такой... домашний... похожий на то, что было раньше... так хотелось поверить, что он – на самом деле. Вот только... такие, как Линнэ, там не водились.

«Да что же это такое? Стоит чего – то коснуться – и оно тотчас рассыпается! Или это я виноват? Касаюсь как – то не так? А может, просто не нужно пытаться себя обманывать, представляя что – то одно как что – то другое?»

И все равно, не попытайся она пригрозить, может быть, он и передумал бы в конце концов, теперь же Линнэ казалась ему страшно похожей на его собственных братьев. Что – то делать за спиной отца? Вообще за спиной кого – то своего? Она предлагает ему принять в этом участие? Обманывать вместе с ней? Кого? Того, кто ему доверился? Кто помог ему?

Дом рухнул. Еще раз. Есть ли смысл ковыряться в обломках?

– Нет, – решил Карвен. – Я все равно не приду. А чтоб все твои угрозы остались пустым звуком, я сейчас просто соберусь и уйду. И можешь тогда грозить вот этой стенке, что у меня за спиной.

– Как – уйдешь? – растерялась дочь кузнеца. – Ты ж работать нанялся!

– Работать, – тяжело вымолвил Карвен. – А не с тобой на сеновале валяться.

– Как это ты вдруг уйдешь?! – возмутилась она. – Тебе же работа нужна!

– Нужна, – сказал Карвен. – Но не ценой обмана.

– Ты не можешь уйти! – беспомощно проговорила она. – Порядочные люди так не делают!

– Порядочные люди? – Карвен покачал головой и принялся надевать сапоги.

– Эй, ты чего это? Перестань! – испугалась девица. – Что я отцу скажу?

– Скажешь, что ко мне приставала, – натягивая второй сапог, ответил Карвен. – По крайней мере, это будет правдой.

– Вот еще! – воскликнула Линнэ. – Представляешь, что мне за это будет?

– А врать вообще нехорошо, – поведаль ей в ответ Карвен. – Представь лучше, что тебе будет, когда ты умрешь и Боги призовут тебя к ответу. Представь, как тебе от Богинь достанется.

– Врешь ты все! Богини покровительствуют любви!

– Так то ж любви, – ответил Карвен. – Разве ты о любви говорила?

Сноровисто увязав котомку с молотом, он поднялся и шагнул к двери.

– Да погоди же ты! Вот дурной! Разве я тебе что плохое предложила?

– Если что – то от кого – то нужно скрывать, значит, плохое, – последовал ответ.

Карвен распахнул дверь.

– Стой! – воскликнула девушка каким – то совершенно новым тоном, и Карвен остановился. – Я была не права! – быстро сказала она. – Прости. Считаю, что этого разговора не было.

– Хорошо, – тотчас улыбнулся он, поворачиваясь. – Не было. И дальше не будет, ладно?

– Ладно, – понурившись, пробурчала она. – Что, я дура, что ли? С одного раза не понимаю?

– Спасибо.

То, что теперь вновь возникало вокруг Карвена, уже не было похоже на его прежний дом, но в этом месте вполне можно было жить. Хотя бы какое-то время. А Линнэ все – таки оказалась лучше его братьев.

– А ты... не станешь хуже ко мне относиться из – за того, что я тут тебе наговорила? – забеспокоилась Линнэ.

– Но ведь этого разговора не было, – добродушно улыбнулся Карвен. – Вот если бы он все – таки был, мне бы пришлось хуже относиться к тебе, а если бы я согласился, то и к себе. Но ведь его не было. Как я могу плохо относиться к дочери своего хозяина?

– Ну, спасибо тебе, – проворчала девушка. – В жизни еще со мной такого не случилось... И вышла, изумленно покачав головой.

* * *

Сумерки. Сумерки за окном. Над Феранной, столицей Ирнийского королевства, медленно склоняется ночь. Ночь, звезды... Все, что должно было произойти за день, уже случилось.

Все... или все – таки нет?

Здесь, в королевском дворце, где все еще суетятся придворные, занятые, разумеется, сверхважными делами, где по углам шепчутся парочки, юные и не очень, где слуги торопливо заканчивают уборку, где вечно бдительные часовые, кажется, вообще не замечают времени суток... можно ли говорить, что здесь уже все случилось, что до самого утра уже ничего не будет? Можно ли так сказать, если здесь постоянно что – то происходит, а слухи и сплетни распространяются даже тогда, когда вроде бы все давно и крепко спят? Не охрана же, в самом деле, их переносит? У нее других занятий хватает. Да и присягой запрещено. А присяга соблюдается. Кого попало в дворцовую охрану не берут. Видят Боги, слишком трудно получить заветное место, чтобы рисковать им почем зря. Так – то вот...

Сумерки. Сумерки за окном. Сумерки медленно сменяются ночью, все, что должно было произойти за день, уже случилось... так все или нет? Спят ведь уже важные государственные чиновники, министры и советники его величества. Спят многочисленные фрейлины королевы. Спят церемониймейстеры, камердинеры и шталмейстеры. Спит в полном составе весь Геральдический совет. Кстати, и король с королевой уже...

– Ты тоже почувствовала? – вмиг охрипшим голосом поинтересовался король Илген у жены. Новенький «Этре» лежал на его ладони, грозно сверкая воронеными боками. Королева Кериан коснулась еще одного такого же пистолета, удобно расположившегося в кобуре у ее правого бедра, и победно улыбнулась. Отличное все же платье – в этих складках и кружевах не то что пистолет, любовника спрятать можно. Любовник ее величеству ни к чему, тогда как пистолет... И ведь никто ничего до сих пор не знает! А значит, и враги – враги, которые ей отнюдь не приснились, не знают. Зато ей теперь точно известно, что они есть. В его величестве эльфийской крови куда как меньше, и все же королеву совсем не удивил вопрос супруга, заданный в ответ на «маленький невинный подарок», преподнесенный любимой супругой. Не «зачем», не «почему», не «откуда такие деньги, ваше величество» – вопрос единственный и по существу. Главный, можно сказать, вопрос. «Ты тоже почувствовала?» Он означает, что и его величество что – то такое почувал, а значит, было что чутя, не могло же показаться им обоим!

– Да, любимый, – со вздохом ответила она. – Почувствовала. Давно уже чувствую. Но они опоздали. Я успела первая. Никто не знает про эти пистолеты. Они опоздали, кем бы они ни были!

– Про эти пистолеты? – спросил король.

– У меня и Ильтара – такие же, – ответила королева. Король вздохнул и слегка расслабился. Улыбнулся.

Смутная сеть беспокойства, залегавшая где – то в глубине его глаз, медленно утонула. Она не рассеялась, нет, но... стало немного легче, снова есть чем дышать, и не мечутся, словно безумные, мысли в тревоге за родных, как раньше.

– Как тебе это удалось? – спросил король, любуясь совершенными формами «Этре».

Королева подумала, что точно так же он любит ее, когда они остаются наедине в супружеской спальне, переставая быть королем и королевой, становясь наконец любящими супругами... подумала и расхохоталась.

– О! Это было вовсе не сложно! – улыбнулась она, припоминая, как какой – то любитель девиц, переодетых в мужское платье, попробовал ее облапать в темном переулке и как она безо всякого сожаления оставила его посреди означенного переулочка с пулей в брюхе. Нет, это не показалось ее величеству трудным. Скорей уж забавным.

Она быстро пересказала мужу несколько наиболее веселых эпизодов из своих похождения.

– У меня теперь немного меньше бриллиантов, – сообщила она. – Зато есть нечто куда лучшее. Как выяснилось, бриллианты совершенно не защищают от страха, тогда как пистолеты...

– Бедная моя, сколько же тебе пришлось пережить... – пробормотал король Илген. Похоже, он вовсе не разделял мнения жены о том, что все это было забавно и почти безопасно.

– Ну что ты. Это было совсем не страшно. То, чего я боюсь... оно больше и страшнее...

– Я тоже боюсь этого... невесть чего, о чем я даже понятия не имею. – Король Илген обнял супругу. – Но вместе мы справимся, верно?

– Верно, – прижавшись к нему, шепнула она. – Вместе мы справимся с чем угодно.

– Особенно вооруженные твоими пистолетами, – улыбнулся король. – Кстати, кого ты подозреваешь? Кроме врага ведь должен быть и предатель, верно? Иначе ты бы просто воспользовалась собственными средствами или потребовала денег у казначея. Так кого ты подозреваешь?

– Кого – то, – вздохнула королева. – Если бы я знала кого... я бы просто сказала тебе, и мы не мучились бы страхом и неизвестностью.

– Ничего. Страх, разделенный пополам, – это только половина страха, – утешил его величество. – А неизвестность, разделенная пополам, – нечто такое, что может быть разгадано. И мы сделаем это. Однако... – Его величество на миг задумался и озабоченно потер лоб. – Однако пропажу твоих драгоценностей нужно как – то легализовать, – добавил он. – Рано или поздно о ней станет известно, и обязательно обвинят кого-нибудь невиновного. Служба безопасности будет шастать туда и сюда, а тот, от кого мы таимся, может насторожиться. А то и вовсе догадается, особенно если пропавшие драгоценности будут найдены, а суммы, за них вырученные, совпадут с теми, что были отданы неким молодым человеком за баснословно дорогие пистолеты. Если то, чего мы боимся, и впрямь реально, то либо оно очень серьезное, раз существует и даже смеет нам угрожать – а секретная служба до сих пор ничего не знает... либо как – то связано с самой секретной службой. Тогда дела и вовсе плохи. Даже один – единственный предатель на достаточно высокой должности – уже большая беда.

– А если обвинят кого – то другого, это будет просто мерзко.

– Ты же знаешь, я никогда на такое не пойду, – покачал головой король. – У меня уже есть один несправедливо обвиненный. На всю жизнь хватило.

Он прикрыл глаза.

Королева знала, кто сейчас встал перед внутренним взором его величества. Капитан третьей гвардейской роты. Тот самый капитан. Всех спасший, выигравший битву, а с ней и войну. Несправедливо обвиненный, оклеветанный, преданный всеми, в том числе и своим королем. Не было тогда другого выхода. Просто не было...

– Словом, этот вариант отпадает, – жестко сказал король Илген.

– Даже не рассматривается, – кивнула королева Кериан. – Но, может быть, просто потерять шкатулку?

– Во – первых, ее все равно найдут. Потерять что – либо бесследно не так – то просто. А во – вторых, за все наши вещи кто-нибудь отвечает.

– Подарить кому-нибудь, кому можно доверить такую тайну? – предложила королева. – Подарить в закрытой шкатулке и попросить молчать, что в ней один лишь воздух?

– Хорошо бы, но... служба безопасности на всякий случай проверяет не только входящие, но и исходящие.

– Это еще зачем? – удивленно нахмурилась королева. – Они нас охраняют или сторожат? Боятся, что мы передадим на волю какую-нибудь записку?

– Не думаю, что они делают это с какой-нибудь особенной целью, любимая, – развел руками его величество. – Правило старое. Еще при прадедущке введено, но отменять его сейчас...

– Будет выглядеть подозрительно, и шкатулку все равно на всякий случай проверят, – согласилась королева Кериан. – А мы не можем знать, не будет ли среди проверяющих предателя.

– Вот именно. Итак, задача пока не решена. Продолжаем думать. Что такого могло случиться с твоими драгоценностями?

– Ну не съели же их! – с досадой воскликнула королева Кериан.

– Что?! – выдохнул его величество, уставившись на супруга как на воплощение Богини. – Что ты сказала, любимая?!

– Глупость, – смутилась королева, но выражение лица супруга не изменилось. – Глупость я сказала, – недоумевающе повторила она.

– Не – ет, – во взгляде короля светилось благоговение, – это была не глупость. Это было откровение.

– Не поняла? Я сказала, что их съели. Какое же это откровение? Разве можно съесть драгоценности?

– Самое настоящее откровение! – с восторгом воскликнул король. – Потому что их на самом деле съели! Вот именно, что съели, любимая! Именно так и запишут разные хронисты в своих претендующих на историческую объективность записях... такого – то числа, такого – то года в королевстве Ирния случилось досадное происшествие!

Королева не стала повторять, что она ничего не понимает, а просто ждала дальнейших объяснений.

– Я подарю тебе... завтра же... – частил тем временем его величество. – Какой у нас завтра праздник?

– Никакой, насколько мне известно, – ответила заинтригованная королева.

– Вот и отлично. Завтра же я королевским указом объявлю какой-нибудь новый праздник, придумаю, какой, и вот по поводу этого праздника я подарю тебе... волшебного поющего хомяка!

– Волшебного поющего хомяка? – Королева растерялась окончательно. – А... а при чем здесь... и что это вообще такое? Разве хомяки поют?

– При чем здесь волшебный поющий хомяк? – подхватил его величество. – Очень даже при чем, можешь мне поверить. А что это такое, я тебе сейчас расскажу. Эти хомяки действительно существуют и очень даже поют. Да так, что с ними мало кто может сравниться! Просто все дело в том, что их разводят далеко на юге и здесь о них мало кто знает. Ничего. Теперь узнают. Хомяк, подаренный королеве, особенно если он умудрился съесть ее драгоценности... не может быть, чтобы о таком не заговорили!

– Хомяк съест драгоценности?! Что ты такое говоришь?

– А вот что. Как ты сама понимаешь, этот хомяк недаром зовется волшебным. До тех пор, пока его кормят простой пищей, он и ведет себя как самый обычный хомяк, ничем не отличающийся от прочих своих сородичей. Но если ему предложить в качестве еды какой-нибудь драгоценный камень, он его и в самом деле съест, а потом – запоет... а поет он так потрясающе красиво, что находятся безумцы, не жалеющие никаких драгоценностей, чтобы это послушать. Обычно таких хомяков кормят мелким речным жемчугом, этого достаточно, но если хомяку вдруг достанется что – либо более драгоценное... говорят, красота их пения превосходит всяческие границы. Я слышал о нескольких южных владыках, вконец разорившихся и потерявших свои царства под сладкоголосое пение этого грызуна.

– Ты собираешься подкинуть сплетникам версию, что я скормила этому твоему хомяку свои ожерелья? – нахмурилась королева. – Знаешь, не хотелось бы прослыть полной дурой. Конечно, если иного выхода нет...

– Вот еще! – обиженно отозвался король. – У меня и в мыслях не было выставять любимую супругу дурой! Может ведь случиться, что хомяк каким – то образом выбрался из своей клетки и залез в ненароком оставленную приоткрытой шкатулку? Вот уж в том, что ты позабыла ее как следует запереть, тебя вряд ли можно обвинить. Как и всякая прекрасная женщина, ты имеешь право быть несколько рассеянной...

– Имею, – кивнула королева Кериан. – А теперь, когда мы все решили... пойдем наконец в спальню!

– Но мы же не сразу ляжем спать? – с надеждой спросил его величество.

– Конечно, нет, – улыбнулась королева. – Разве я смогу заснуть после того, что мне пришлось пережить? Придется тебе для начала меня утешить...

* * *

Карвен удовлетворенно вздохнул и опустил молот. Утер пот. Работа была закончена. Самостоятельная работа, впервые порученная хозяином. Сложная работа. А он сделал, и сделал хорошо. Самому видно, что хорошо. Все тело приятно ныло, а душа наполнилась гордостью. Вот вернется хозяин из города...

– Привет.

Карвен обернулся. На пороге кузни стоял широкоплечий крепыш.

– Хорошо работаешь, – похвалил он. – Тебя как зовут?

– Карвен.

– А меня – Лериш. Я подручный у Грейфа.

– Тот самый, который болел?

– Тот самый.

– Что ж, приятно познакомиться. Твое отсутствие позволило мне заработать денег на дальнейшую дорогу. – Карвен решил сразу показать, что он не претендует на место своего нового знакомого. – Так что спасибо, что поболел немного.

– Не стоит благодарности, мне было даже приятно, – ухмыльнулся Лериш. Он сразу повеселел и подмигнул: – Как хозяйская дочка? Не заездила?

– Нет, – ответно улыбнулся Карвен. – Не заездила.

– Не может быть! – воскликнул Лериш. – Тебя что, твой папа – кузнец из железа склепал?!

– Нет, я у мамы родился, – весело отозвался Карвен.

И удивился, как легко ему это удалось. Упоминание родителей не обожгло болью. Она унялась совсем? Так скоро? Или просто с этим парнем можно говорить обо всем? Есть ведь люди – с ними самое тяжелое и страшное становится вдвое легче и... не то чтобы не страшным и не тяжелым, но вполне переносимым.

– Тогда почему ж Линнэ тебя не заездила?!

– А я ей себя оседлать не дал, – пожал плечами Карвен.

– А еще говоришь, не из железа... – Лериш восхищенно покрутил головой. – Поздравляю, парень, ты такой первый! Ну что, ты ведь на сегодня закончил, как я погляжу?

– Закончил.

– Тогда умойся, и пошли посидим на лавочке. Поболтаем, хозяина подождем. Он, поди, скоро уж из города назад будет.

Так и сделали.

– Кстати, а как вышло, что ты на чужих людей стараешься? – спросил новый знакомый.

– Да так и вышло, – вздохнул Карвен и как – то незаметно рассказал все.

С этим парнем и впрямь было удивительно легко делиться – как радостью, так и горем.

– Ишь, братья – то твои каковы, – покачал головой Лериш. – Одно слово – гады.

– Ну да, – кивнул Карвен. – Но, понимаешь... нас одна мать рожала. Для нее – то мы все – дети. Как умрем, думаешь, она не простит их?

– Простит, – кивнул Лериш. – Обязательно. Матери, они знаешь какие? Всегда простят.

– Так, значит, и мне они все равно братья, – сказал Карвен.

– Само собой. А как же иначе? Братья, они братья и есть, какие бы ни были...

И Карвену стало хорошо. Потому что его поняли. Такое ведь понять нетрудно. Куда трудней найти того, кто пожелает это сделать.

– О! Вот и хозяин с гостинцами! – Возглас Лериша оторвал Карвена от его раздумий.

Вдалеке уже виднелась знакомая повозка, бодро пылившая по дороге. «Еще не так давно отец тоже эдак ездил!» – вновь кольнуло сердце внезапной мыслью, и память повернулась, словно нож в ране. Нет, никуда ничего не делось, просто... просто всему свое время, наверное...

* * *

– Я ваш новый наставник, ваше высочество.

Ильтар вскинул глаза от книги и удивленно уставился на миловидную девицу в одеянии служанки.

– Наставник?

– Ах, вы об этом? – Она мгновенно поймала его взгляд и провела ладонью по платью. – Так проще. Никто не обращает внимания.

– Возможно, – пробурчал принц. – И как мне вас величать? Уважаемая наставница?

– Возраст – еще одна из условностей, ваше высочество, – улыбнулась девушка. – Убедленность сединами вовсе не обязательный признак наставника, а в том знании, которое я вам собираюсь преподать, – и вовсе лишний. Смею, однако, предположить, что мое знание никак уж не ниже того, чему вас учит уважаемый наставник Дэрран. Принцы, не знакомые с математикой, астрологией, геральдикой и историей, в этом мире случались. А вот незнакомство с моим предметом означает пренебрежение долгом. Да, «уважаемая наставница» будет в самый раз.

– И все равно. – Принц обреченно захлопнул книгу. – Уважаемая наставница, не кажется ли вам, что вы выбрали несколько неудачное время для проведения занятий? Со мной за весь день не случилось ничего лучше урока истории, все остальное время было съедено проклятым этикетом, а теперь, когда уже почти ночь и я только – только нашел хорошую книжку, чтобы всласть почитать перед сном...

– То, что я собираюсь вам преподать, никак уж не хуже урока истории и гораздо интереснее той книжки, что вы читаете, ваше высочество. Смею надеяться, что вам понравится. А время... Вы ведь не пробовали заняться астрологией днем?

– Только теорией, – удивился принц. – Днем звезд не видно.

– Здесь то же самое. Днем звезд не видно. – Она присела на постель рядом с принцем и взяла его за руку.

Взгляд принца всплеснулся мгновенным пониманием и обидой, а потом сделался колюче – острым.

– Тебя королева прислала? – чужим голосом спросил он. – Я же просил ее!

– Рекомендую вернуться к прежнему тону, ваше высочество. – Девушка ответила принцу таким же взглядом. – Я не то, что вы сейчас подумали. А ее величество никогда не стала бы принуждать бесправную служанку или покупать профессионалку. Я из службы безопасности королевства.

– Что ж, спасибо им за их нежную заботу, – пробурчал принц.

– Ваше высочество, когда вы обучаетесь фехтованию, зачем вы это делаете? – быстро спросила девушка. Таким тоном, что Ильтар смешался. Это был тон наставника – решительный, требовательный, предполагающий немедленный ответ.

– Я – принц... я – рыцарь... я – защитник... – растерянно пробормотал застигнутый врасплох юноша.

– Я – такая же шпага в ваших руках, ваше высочество.

– Ты не шпага, ты – живой человек! – возмутился пришедший в себя принц. – Я...

– Вы тоже живой человек, ваше высочество. Но это ничего не меняет. Этот урок должен быть усвоен так же, как и все остальные. Это ваш долг. Как рыцаря и защитника.

– Но...

– Я сумею вам понравиться, ваше высочество...

– Не сумеешь, – отчаянно вздохнул принц. – Тебя слишком хорошо этому научили.

– Верно. А теперь мой черед научить вас. Чтобы к тому моменту, когда вам это понадобится и вы действительно полюбите кого – то...

– А ты? Разве ты ничего не значишь?

– А кто сказал, что вы мне не нравитесь? И разве я не нравлюсь вам?

Принц не ответил. Молча смотрел ей в глаза, долго смотрел. Наконец сказал:

– Я хотел... не любви, нет. Но хоть какой – то привязанности... Не для королевства. Для себя. Могу я хоть что-нибудь оставить для себя?!

– Можете, – жестко ответила девушка. – Вашу смерть. Короли умирают, когда им заблагорассудится, а не тогда, когда это выгодно государству... даже маги пока ничего не смогли с этим сделать. Смерть – это все, что у вас есть своего, ваше высочество. Все остальное принадлежит государству.

Принц в изумлении таращился на нее.

– А что до привязанности... симпатия, не больше, – мягко добавила девушка. – Было бы очень плохо, если бы вы и в самом деле привязались ко мне, ваше высочество. Боюсь, мы не можем себе этого позволить. Будет лучше, если мы постараемся стать друзьями. Союзниками. И конце концов, нам ведь и дальше вместе работать. Вполне возможно, что мы будем часто видеться, я ведь действительно сотрудник секретной службы и занимаюсь не только тем, чему намерена вас обучить.

– Значит, ничего... кроме смерти... – пробормотал принц.

– Вам действительно повезет, если вы полюбите вашу прекрасную принцессу, когда придет время и вы ее встретите, – светло и чуть печально улыбнулась девушка. – Тогда у вас появится еще что – то свое. Но даже она не будет принадлежать вам целиком. Как и вы не сможете целиком принадлежать ей. Королям часто приходится жертвовать любовью во имя долга, и только плохие короли поступают наоборот.

– Я... понимаю. Долг прежде всего.

– Мы в одной лодке, ваше высочество. У меня тоже нет ничего, кроме служения. И смерти.

- Ты все – таки понравилась мне, уважаемая наставница, – тихо промолвил принц.
 - Чем же? – улыбнулась девушка.
 - Правдой.
 - Это то, что я надеялась услышать от своего господина.
 - Начнем урок, уважаемая наставница? – решительно промолвил принц и взял ее за руку.
- И служба безопасности приняла его в свои нежные объятия.

* * *

Хомяк был самый обыкновенный. Или – нет?

«Наверное, все – таки нет», – подумала королева Кериан, рассматривая подарок. Хомяк как будто слегка посверкивал – если как следует приглядеться, можно было заметить вокруг него еле видную радугу. Во всем остальном выглядел и вел он себя как самый обычный грызун – сидел и грыз морковку. Что ж, прочие восхищенные созерцатели к зверьку и вовсе не приглядывались. По правде говоря, интересовал их отнюдь не хомяк...

- Какой он хорошенький! – воскликнула одна фрейлина.
- А глазки – то какие! – подхватила другая.
- А усики! – поддержала общий восторг третья.
- А лапки! – выпалила четвертая.
- А ушки! – выдохнула пятая.
- А пузико! – умилилась шестая, хотя пузика видно не было.
- А... – запнулась седьмая, не зная, что бы еще похвалить. Экая досада – опоздала! Хомяк

раньше кончился. И что же теперь делать?!

Остальные поглядели на нее с насмешкой.

– Ах, он весь – весь красивый! – нашлась наконец она. И насмешливые взгляды сменились завистливыми: мало того, что высочайшее внимание к себе привлекла, так еще и догадалась похвалить королевского хомяка всего сразу. Вот ведь зараза, из – за нее королева может подумать, что всем остальным в ее хомяке понравилось только что – то одно, а все прочее не приглянулось вовсе! Кошмар! Катастрофа! Ведь не за – ради хомяка они все тут собрались, можно подумать, они хомяков не видели! А ради того, чтоб ее величество обратила внимание на то, как они ее хомяком любят. И чтобы какая – то мерзавка все – все испортила? Одной фразой?!

Нужно было срочно спасти положение. И пошло – поехало, понеслось – поскакало...

- Красавец!
- Умница!
- Лапочка какая! – наперебой восклицали придворные.
- Душечка!
- Ах, он очарователен!
- Восхитителен!
- Прелестен!
- Изумителен!

Хомяк с подозрением косился на этих странных шумных существ. Если бы он мог, то точно покрутил бы лапкой у виска. Доверия они у него явно не вызывали и вообще были нехорошие. На них было надето столько всего блестящего и вкусного, а они его не угощали. Уже вторую неделю у него во рту ни изумрудинки не было. В крайнем случае, он был согласен на большой рубин. Морковка – это, конечно, хорошо, но с рубином – никакого сравнения!

Хомяк внимательно оглядел пестрое сборище, презрительно фыркнул и отвернулся.

* * *

– Так что ты за праздник объявил? – поинтересовалась королева, когда они остались одни.

– Не помню, – отмахнулся король. – А что, это важно?

– Да нет, просто интересно.

– Вот и спросишь потом у церемониймейстера, а то у меня за хлопотами все из головы вылетело. Не так легко было доставить хомяка в такой короткий срок. Королевские маги с ног сбились, да и я малость понервничал.

– Давай ему браслет скормим, – предложила королева Кериан, почесывая хомячку брюшко.

– Не надо, – покачал головой король Илген, присмотревшись к лежащему на столе браслету. – У бедняги от него несварение делается. Ты припомни, каких времен этот браслет.

– А каких? Я привыкла различать браслеты по красоте, а не по возрасту. Этот, к примеру, мне никогда не нравился.

– И неудивительно. Прадедушкино царствование, что тебе может в нем нравиться? Прадедушка, если б не прабабушка, пропил бы королевство безо всякого волшебного хомяка. Пропил, проиграл... Словом, браслет наверняка не из чистого золота, хоть и королевский, да и камни внушают подозрение. Про художественную ценность вообще молчу.

– Понятно теперь, почему при его царствовании существовало правило проверять исходящие, – проворчала королева. – Твоя несчастная прабабушка небось добила, чтоб ввели.

– Возможно... Давай мы ему лучше вот этот рубин скормим. – В руке короля появился крупный алый камень. – Ручаюсь, он настоящий, и мы не отравим нашего маленького спасителя.

– Еще одна пропавшая драгоценность, – с мечтательной улыбкой заметила королева.

– Пойдет в общий список съеденного, – хмыкнул король.

– Не приведи Боги, кто-нибудь додумается его убить. – Королева передернулась. – Он, конечно, королевский, но за такие прегрешения...

– Не посмеют, – мотнул головой король. – Знаешь, сколько он стоит?

– Сколько же? – вздернула брови королева Кериан.

– Не меньше половины стоимости твоей шкатулки.

– Ох...

– Это если покупать его на родине. А если у нас...

– Ужас какой! Мы не разорили казну?

– Казначей у меня то же самое спросил.

– И что ты ему сказал?

– Посоветовал сходить на досуге посмотреть на плаху и подумать о вечности. Он сразу замолчал.

– А как же...

– А на самом деле, – рассмеялся король Илген, – когда наш маленький певчий друг делает свое темное дело, мы его продадим. Вернем в казну все потраченное, и еще кое-что останется... на всякий случай. Ты же не обидишься, что придется продать твой подарок?

– Не обижусь. А как ты собираешься объяснить его исчезновение?

– Ну, поскольку он живой, то вполне может умереть, верно? – заметил король.

– Верно.

– А мертвый он ничем не отличается от другого такого же, так что подменить одного зверька другим... живого мертвым...

– И от чего он умрет? – поежилась королева.

- От естественных причин, – ответил король.
- Например, от обжорства?
- Например, – кивнул его величество.
- А куда это ты его собираешься продавать?
- В одно далекое южное королевство.
- В самом деле? Любимый, а откуда у тебя такие связи? – лукаво поинтересовалась королева.
- Ты же не станешь пользоваться каналами нашей секретной службы, нет?
- Ну, не одна же ты любишь переодеваться и шастать по разным подозрительным местам, – ухмыльнулся в ответ король. – Твой муж тоже на что – то годится...
- Потрясающе! – Глаза королевы засияли от восторга. – Любимый, открой одну страшную тайну...
- Ну? – усмехнулся его величество.
- Если я переодеваюсь в мужское, во что переодеваешься ты?
- Это профессиональная тайна! – с самым серьезным и мрачным видом отвечивал его величество. После чего подмигнул и рассмеялся.

* * *

В королевском дворце Ирнии стоял страшный переполох. Все бегали и суеились, словно при помощи бега и суеты можно было что – то исправить. Отовсюду только и слышалось:

- Шкатулка с драгоценностями королевы... – почти страстно бубнил низкий мужской голос.
- Ах, шкатулка с драгоценностями королевы... – пронзительным сопрано вторил ему женский.
- Такое несчастье! – выпевал красивый альт.
- В самом деле, что вы говорите? – торопился чей – то жадный до сплетен тенорок.
- Шкатулка с драгоценностями королевы?! – вступало в свой черед нежное меццо.
- Не может быть! – гремело медью из другого угла. Больше всего эта перекличка голосов походила на какую – то сложную оркестровую симфонию.
- Как?! Шкатулка с драгоценностями королевы?! Скажите мне, что это неправда! А это восхитительное изумрудное ожерелье, что ее величество надевала лишь дважды? И оно – тоже?!

- Ах, это же невозможно! Я этого просто не переживу!
- Это просто немыслимо! Как это только допустили?!
- Нужно же что – то делать!

Но ничего поделать было нельзя.

Ее величество нечаянно оставила шкатулку приоткрытой. В самом деле, она же королева, а не тюремный надзиратель, чтобы постоянно проверять, все ли заперто как следует. Ее величество оставила шкатулку открытой, а волшебный хомяк ее величества... Волшебный хомяк, лишь пару дней назад подаренный королеве самим королем по случаю нового праздника...

– Волшебный, он и есть волшебный, что тут еще сказать? – пробурчал пожилой королевский маг, господин Лигран, в ответ на панические вопли: «Как же так вышло?!» и «Что же теперь делать?».

– Уж как вышло, так и вышло, – развел руками маг. – Ничего теперь не поделаешь, съеденного не воротишь, время вспять не обратишь. Случаются беды и пострашнее, господа и дамы...

Королева сидела с совершенно убитым видом, никак не реагируя на неловкие попытки утешения, время от времени предпринимаемые фрейлинами.

О том, каким образом хомяк выбрался наружу, говорила погнутая решетка клетки, а сам хомяк... сам хомяк сидел в открытой шкатулке королевы... совершенно пустой шкатулке... Он внимательно оглядел столпившихся вокруг него людей, словно проверяя, все ли собрались, осознают ли, какое потрясающее чудо сейчас произойдет. Снисходительно чихнув – решив, должно быть, что большего от этих уродливых двуногих недотеп все равно не дождешься, он внезапно приподнял голову и запел.

И все замерло. Весь дворец застыл, внимая волшебному пению. Никто больше никуда не спешил, никто не суетился, и вряд ли во дворце остался хоть один человек, который бы сейчас о чем – то думал. Даже королева. Даже король. Даже наставник Дэрран. Многие фрейлины плакали от восторга. Да что там фрейлины! Плакали, стыдливо пряча лица, строгие министры и мудрые советники, brave стражники и опытные придворные лицемеры. Даже сотрудники секретной службы украдкой смахивали слезинки.

Хомяк пел долго, и слышно его было всем. Весь дворец наполнился чудесным пением.

Когда все закончилось, его величество попросил мага унести пока хомяка и позаботиться о том, чтобы с ним ничего не приключилось от переедания.

– Не беспокойтесь, ваши величества, шельмец вполне прилично себя чувствует, – утешил их господин Лигран, забирая зверька и сажая его в испорченную клетку. – Я подумаю над тем, как обезопасить королевские драгоценности. Как сделать, чтобы зверек питался лишь мелким речным жемчугом, как оно и было задумано когда – то моими южными коллегами...

После ухода мага его величество повелел удалиться и всем остальным подданным. Ему предстояло нелегкое дело – утешить расстроенную потерей драгоценностей королеву. Фрейлины лишь надеялись, что королева сейчас наслаждалась пением, как и все прочие, а значит, ей будет легче смириться с потерей.

Когда шаги последних придворных стихли, королева облегченно вздохнула:

– Вот и все. Нет больше никакой проблемы.

– Ты – такая красавица. – Король прижал к себе жену. – Какая досада, что тебе пришлось лишиться всех этих украшений... да и хомяк, увы, ненадолго у нас задержится... мне, право, очень жаль...

– Я еще и разумница, – улыбнулась королева. – А лучшее украшение разумной женщины – хороший пистолет. А также муж и сын. Живые.

– Неужели? – улыбнулся король. – А как же поющий хомяк?

– Продай его поскорее. Когда все вокруг застывают, теряя рассудок, может случиться что угодно.

– Ты права, любимая. Жаль, мы не знаем имени нашего врага, не то я бы ему этого хомяка просто подарил...

* * *

– Ужин и ночлег, – сказал Карвен трактирщику.

– Семь медяков с тебя. За пиво и одеяло – отдельно. Подушек не бывает.

– Пива одну кружку, без одеяла обойдусь, – ответил Карвен. – А неужели подушек не бывает? Никогда?

– Никогда, – блеснул зубами в усмешке трактирщик. – С тебя, значит, всего восемь. Присаживайся, еду и пиво сейчас принесут.

Карвен сидел, привалившись к стене и прихлебывая пиво, в желудке его удобно устроился весьма неплохой ужин, и верно можно сказать, что он пребывал на самом вершине блаженства, когда случайно услышал один весьма странный разговор.

– Не могу, господин! – говорил кто – то очень испуганный и несчастный. – Никак не могу... такую сумму за один раз! Да вы в уме ли?!

– Ты никак позабыл, с кем разговариваешь, – с угрожающей ленцой процедил его собеседник.

– Ох, помню я... помню... Все помню, господин... – приплясывающим голосом отвечал первый. – А только увольте... такую сумму... да еще сразу... я разорюсь, а столько не соберу... Вам бы подождать недельку... уж я бы тогда... ну, войдите же в мое положение... мне столько и одолжить – то не у кого...

Карвен замер от удивления. Приплясывающий от ужаса голос принадлежал трактирщику, а его собеседник... Его скрывал черный плащ до полу.

– Неделку, говоришь? – угрожающе – насмешливо промолвил скрытый плащом незнакомец. – Ладно. Не хочешь платить – не надо. Другие заплатят. Когда узнают, что с тобой стало.

Незнакомец круто развернулся и шагнул к выходу.

Карвен уже поднялся, чтобы в случае чего помочь трактирщику, но... посмотрев на лицо несчастного, нетрудно было догадаться – тут вряд ли чем – то поможешь.

– Еще пива? – Губы трактирщика прыгали, он явно старался взять себя в руки, но получалось плохо, и в глазах его, словно лесной пожар, ревел страх.

– Если этот... опять явится, вы меня кликните, – все же попытался ободрить бедолагу Карвен. – Я ему по шее дам, враз поутихнет.

В лице трактирщика словно что – то сломалось. И не от того, что он только что услышал, мигом смекнул юноша. А от того, что он за спиной Карвена углядел. В трактир кто – то вошел, и этот кто – то перепугал трактирщика пуще морового поветрия.

– Беги отсюда, мальчик... – жалко кривясь, выдавил трактирщик. – Беги, пока не поздно!

Но было поздно. Трактир как – то враз наполнился людьми. Что с того, что он и раньше пустым не был? Наводнившие трактир чужаки были не из тех, что заходят в трактир поесть, выпить или переночевать в гостевых комнатах. Больше всего они походили на разбойников. Вот только разбойники редко ведут себя столь нагло и... странно. В руках у них были топоры, ножи и факелы, а глаза были пусты, точно у мертвых. Без единого слова они наполняли трактир и внезапно замирали – словно переставали быть живыми, превращаясь в некое подобие вещей.

– Беги – и – и – те! – просипел трактирщик, бросаясь куда – то в подсобку и с треском захлопывая дверь.

– Околдованные! – испуганно ахнул кто – то. Посетители вскакивали, опрокидывая столы, кто – то уже визжал, а кто – то отламывал ножку стола, пытаясь добыть себе хоть какое-то оружие.

«Что ж, родители запрещали обижать только слабых, – подумал Карвен. И огляделся. – Поскольку бежать все равно некуда...» Он нагнулся, быстро развязал котомку и достал из нее отцовский молот. Рукоять привычно легла в руку. «Эх, не для того он думан, не для того делан, а только что ж еще остается? Господь Утра и Богини Вечера, помогите мне...»

Мир качнулся и как – то разом пришел в движение. Страшный хряск топора – и чья – то жизнь захлебнулась кровавым хрипом. Выблеск ножа – и еще одна жизнь обрывается коротким мучительным стоном. Еще чей – то крик, перешедший во всхлип, фонтан крови... Кривая дуга брошенного факела завершается за трактирной стойкой.

– Да что же они делают?! – потрясение выдохнул Карвен. – Они ж... на самом деле людей убивают!

На его глазах творилось нечто для деревенского парня немыслимое. Даже скотину эдак не режут, а уж чтобы людей... о таком даже в самых страшных историях не услышишь! О таком даже прошедшие войну солдаты не рассказывают. На войне все ж таки убивают врагов, а не кого попало да невесть за что. Эти... они только кажутся людьми... не бывает таких людей... не может быть... потому что если такие люди все – таки бывают, тогда... тогда и жить не стоит вовсе, потому что Богов уж точно нет!

«Боги, я в вас верую. И в Утреннего, и в Вечерних. Это не люди. Нет».

Жаркое пламя за трактирной стойкой распрямило спину, словно потягивающаяся кошка, и заплясало страшный беззвучный танец. В потолочную балку с хриплым противным дрызгом воткнулся брошенный кем – то нож.

– Пожар! – с ужасом прошептал Карвен.

Страшный деревенский пожар, пламя, подгоняемое сильным ветром, перепрыгивает с избы на избы, тянет дрожащие жадные руки к скотине и хлебу...

И словно в ответ этому преступному, недозволенному в нормальном мире пламени, белый огонь вспыхнул в его собственной голове.

«Поджигатели!»

Он гневно прищурился и решительно шагнул к разбойнику, размахивающему окровавленным топором. Резкий поворот почуявшего опасность мерзавца, его яростные и бессмысленные глаза, окровавленное лезвие топора – все это мелькнуло, словно искры, брызнувшие от куска расплавленного металла, а потом молот обрушился на наковальню.

Седьмой сын кузнеца Эрвена перешагнул труп первого в своей жизни врага и вновь взмахнул молотом. Иссиня – белое пламя гудело в его голове. Молот искал наковальню.

Еще раз. И еще.

То, что пришло убивать, не должно жить! То, что пришло жечь, должно умереть!

Еще раз. Еще.

Внезапно тонкий грозный свист рассек зловещее безумие, творящееся в месте, которое так недавно было обычным придорожным трактиром. Карвен не знал, не мог еще знать, что такой звук издает шпага в опытной руке настоящего мастера, когда тот одним решительным движением вычеркивает из жизни нечто, имеющее форму человека, но таковым не являющееся. В рассеченное шпагой отверстие ворвался голос. Голос, привыкший повелевать. Голос, от которого замерли на мгновение нападающие безумцы. Голос, от которого вмиг прекратилась паника.

– Все ко мне! Живо! За мою спину! Так, вы, с молотом, – убейте болвана, подбирающегося к вам с ножом, возьмите скатерть, что валяется у вас под ногами, и загасите огонь, пока тут все к чертям собачьим не сгорело!

Карвен вздрогнул и подчинился. Молот рухнул на наковальню, а скатерть удушила пламя.

– А ну – ка в сторону! Да – да, любезнейший, и вы тоже! – продолжал распоряжаться незнакомец со шпагой. – С ума сошли, что ли, с подносом против топора?!

Еще один свист шпаги. Еще. Еще.

– Вот так, теперь здесь немного расчистилось... – Невесть откуда взявшийся высокий воин со шпагой в руках продолжал теснить потрясающих топорами и факелами мерзавцев.

– Подобрать оружие, – командовал он. – Загасить упавшие факелы. Живей, не то проклятый трактир все – таки загорится!

Перепуганные посетители дрожащими руками подымали разбойничьи топоры. Гасили разбросанные факелы.

– Женщины и слабосильные – наружу! Посмотрите, нет ли где раненых, которым можно еще помочь. Кто-нибудь резвый – за стражей! Вы, с молотом, – ко мне. Вместе – сподручнее.

Карвен мигом оказался рядом. Как – то даже и в мыслях не возникло послушаться этого человека. Наконец – то пришел кто – то, способный навести порядок в этом внезапно сошедшем с ума мире. Явно воин, явно из благородных, а значит, знает, что делать. Так может ли быть что-нибудь глупее, чем его не слушаться?

– Приготовьтесь, молодой человек, сейчас они на нас навалятся, – объявил меж тем воин. – На месте того, кто ими управляет, я бы поступил именно так.

– Так они и в самом деле околдованы?! – выдохнул Карвен.

– Нормальные разбойники давно сбежали бы. Да вы на лица их посмотрите.

– Но... раз они околдованы, значит – не виноваты?! – вырвалось у юноши.

– На войне нет виноватых. На войне есть враги. Их убивают. Кстати, у вас неплохо выходит. Главное – не забивайте голову глупостями.

– Но... разве сейчас... война? – запинаясь, пробормотал Карвен.

– А разве мир? – фыркнул воин. – Был бы мир, мы с вами спокойно сидели бы на лавке и пили пиво. Подумайте о тех, кого они успели убить. О тех, кого еще убьют, если их не остановить. Внимание, они пошли!

– Но...

– Оставьте вашу болтовню и следите за левым флангом!

Околдованные разбойники бросились вперед. Заглянув в бессмысленные, ничего не выражающие глаза, Карвен только крепче сжал молот. Шпага со свистом описала смертоносную дугу, вычеркивая из жизни очередного мерзавца. Молот обрушился на наковальню.

Еще. Еще раз.

Нет ничего, кроме этого... только ты и молот у тебя в руках. Только враг, стремящийся забрать твою жизнь. Только враг и его бессмысленные глаза, в которых пляшет каминное пламя. Только каминное пламя и размытая тень со шпагой за твоей спиной. Тень со шпагой, сражающая очередного безумца. Воин, прикрывающий тебе спину так же, как ты прикрываешь спину ему...

– Отлично, молодой человек. – Шпага описала последнюю смертоносную дугу, и в трактире воцарилась тишина. Полная. Или нет... Не полная. Вовсе даже не полная, но после того, что было...

– Хозяин! – Голос незнакомца со шпагой загремел, словно труба Подземного Всадника. – Хозяин, где ты есть?! Вылезай немедленно, мерзавец, или я за твою дальнейшую жизнь медяка ломаного не дам!

Скрипнула дверца. Перепуганный трактирщик выглянул наружу, готовый в случае чего стремительно юркнуть обратно. Карвен с удивлением подумал, что сам ни капельки не боится. А груда окровавленных трупов на полу не вызывает у него содрогания. Вот если бы это люди были...

– Испугался? – оборачиваясь к нему и переходя на «ты», поинтересовался воин.

– Нет, – честно ответил Карвен. – Устал.

– Понятно, – улыбнулся незнакомец. – Ну, ничего, ты пока не расклеивайся. Мне еще, быть может, твоя помощь понадобится. Я скажу, когда можно будет отдохнуть.

– Ага, – только и кивнул Карвен. Чего ж тут неясного в самом – то деле? Раз работа не закончена, значит, уставать еще рано. Сыну кузнеца все понятно.

– Трактирщик, черт тебя задери, хватит в щелку выглядывать! – вновь прогремел голос воина. – Иди сюда, да поживей, если жизнь дорога!

Трясущийся, как кисель, трактирщик выкатился наружу. Карвен его даже не узнал. От прежнего уверенного в себе господина, преуспевающего хозяина доходного заведения, мало что осталось.

– Тебя как зовут?

– Дэрис, господин воин.

– Чего он от тебя хочет? Денег? – резко спросил воин.

– Э... э... кто, господин? – жалобно пролепетал трактирщик.

– Тебя сразу убить, чтоб не мучился? – полюбопытствовал воин. – Или тебе мало того, что случилось? Кстати, убить тебя – не такой плохой вариант. А еще лучше, если ты сам повешишься, – рук марать не придется. По крайней мере, тогда никого не убьют из – за тебя.

– Но, господин! – простонал. Дэрис. – Вы же просто ничего не...

– Чего он от тебя хочет? – резко оборвал его воин.

– Он убьет меня... – тряся головой, бормотал трактирщик.

– Он в любом случае тебя убьет, так какая тебе разница?

– Он... он страшный... он...

– Я страшнее, можешь мне поверить.

Он ухмылялся так, что Дэрис мигом поверил. И заговорил.

– Он... он маг...

– Представь себе, я уже догадался.

– Господин, вы не сможете...

– Так куда ты должен был отнести ему деньги?

– В «Белую лань», – ответил хозяин трактира. – Это недалеко. На окраине Фриниля.

– Знаю это место, – кивнул воин. – Нет, ну какова наглость – занимаясь столь наглым разбоем, открыто снимать роскошные апартаменты! Впрочем, даже если он успеет скрыться, кто-нибудь его обязательно там запомнит. А теперь быстро – опиши его внешность!

– Ну, он такой... страшный...

– Молодой, старый, цвет волос, глаза, походка, одежда? Какие-нибудь особые приметы? – поторопил его воин. – О своих страхах жене потом рассказывать будешь, а мне нужно знать, как этот мерзавец выглядит. Может, у него одного глаза нет или нос набок свернут? Пошевели мозгами, это в твоих интересах!

– Глаза у него на месте... колючие такие и вроде как серые... А нос и правда чуть – чуть набок. И перстень у него на указательном пальце... большой такой. И черный. Волосы с проседью, морда неприятная, плащ до полу...

Он замолчал.

– Все? – резко спросил воин.

Дэрис развел руками.

– Не извольте гневаться, а только... очень уж он меня напугал.

– Понятно.

– Да, чуть не забыл! – воскликнул вдруг трактирщик. – Шрам у него... над левой бровью. Маленький такой.

– Ну, уже что – то.

– Господин, вы намерены заступиться за меня? – дрогнувшим голосом поинтересовался трактирщик.

– Мне почему – то кажется, что все это время мы именно этим и занимались, – пожал плечами воин. – Или ты не согласен?

– Не могу передать... – Дэрис попытался бухнуться на колени, но сильная рука поймала его, едва он успел коснуться пола. Поймала и вернула в прежнее положение.

– Можешь, трактирщик, все ты можешь... – насмешливо протянул воин. – Я сохранил тебе жизнь, я, быть может, спасу остатки репутации твоего заведения, а ты... Для меня и для этого молодого человека, который сделал для тебя не меньше, чем я... так вот, для нас обоих все в твоём трактире отныне и во веки веков – бесплатно, ты меня понял?

– Все – все? – жалобно поинтересовался трактирщик.

– Все – все, – безжалостно подтвердил воин.

– И подушка? – встрял внезапно развеселившийся Карвен.

– При чем здесь подушка?

– При том, что их не бывает, – охотно пояснил Карвен.

– Ну, это для кого – то другого не бывает, а для нас... Передашь страже, которая... Да где ж эти недотепы? Или они решили дожидаться, когда тут всех перережут, – хлопот меньше? Одним словом, расскажешь им все как было. Назовешь адрес. Пусть поторопятся вслед за нами, может, успеют. И мага пусть прихватят.

– Да нет у нас здесь никакого мага, – простонал трактирщик. – Будь здесь маг, разве стал бы я дрожать перед этим мерзавцем? Да я бы мигом...

– А священнослужителя из эльфов?

– Есть, – кивнул трактирщик. – Правда, его еще найти надо.

– Пусть найдут этого неуловимого служителя веры и уговорят его поехать с ними. Быть может, он сумеет уберечь стражников от магии. Эльфы в этом смыслят побольше нашего. Да, предупреди стражу, что, если хозяин постоянного двора со слугами и постояльцами окажут сопротивление, это будет значить, что они околдованы. Пусть эльф этим займется. Не убивать же их. Не разбойники ведь...

Карвен и сам не заметил, как вслед за воином покинул трактир. «Хоть бы стражники нас с магом в потемках не перепутали!» – мелькнуло у него в голове.

На улице стоял конь. Один. Ни к чему не привязанный. Стоял и ждал. Видно было, что без хозяйского приказа он с места не сдвинется. А уж тому, кто себе на беду попробует его сдвинуть... Таких коней не крадут. Вернее, они не крадутся. Те, кто их увести пробовал, с того света потом коллегам приветы да предостережения передавали.

Воин подошел к своему коню. Ну, конечно же, это был его конь, чей же еще? Даже походил чем – то на своего хозяина.

– Плохо только, что проклятый маг нас все время видит, – пробормотал воин, оглаживая скакуна.

Карвен обрадовался, что может не просто беспрекословно его слушаться, а помочь. Хорошо, что отец заставил его в свое время назубок заучить «Основы кузнечного ремесла», вот оно и пригодилось. Есть там «про магию темную и магов зловредных», есть!

– Он нас не увидит! – воскликнул Карвен. – Подождите, я сейчас!

И бросился обратно. Трактирщик встретил его испуганным взглядом, но ничего не сказал. Что ж, у Карвена не было времени его утешать, ему нужно... Да что ж это такое?! Когда что – то требуется позарез, именно этого и не попадаете! Ага, вот. Он подхватил валявшийся на полу нож, явно разбойничьего вида, и отковырнул им две щепки с окровавленного пола.

– Ты это зачем, парень? – хрипло спросил здоровенный бородатый детина, по виду – из купцов. Он до сих пор выглядел перепуганным, а в руках сжимал подобранный во время драки разбойничий топор. Впрочем, было похоже, что он не столько держит топор, сколько сам за него держится. Как за последнюю надежду. А уронит – и сам тотчас упадет. Не от того, что ранен, просто от ужаса.

– На мага идем, – в ответ пояснил Карвен. – Надо же и нам какое-то свое колдовство применить?

– Магу твои щепочки – что медведю иголка, – покачал головой купец. – Оставался бы ты тут, парень. Целей был бы. Его благородию что... Известное дело – воин, он для того и живет, чтоб жизнью рисковать, а тебе на кой? Сейчас стража прибудет, вот пусть и разбираются... Разве ж это дело – простому человеку почем зря геройствовать?

Он договаривал уже в пространство. Карвен отковырнул свои щепочки и бегом бросился назад. Он не знал, что его гонит, но оставаться там, рядом с купцом и всеми остальными спасшимися, в уютном трактире, куда вот – вот прибудет стража, в тепле, мире и безопасности... Нет, он просто не мог там остаться. Что – то упорно толкало его назад. Его ждал, на него рассчитывал... он и сам не понимал, кем для него сделался этот человек, но подвести его не мог.

А купец... Карвен испытал мимолетное чувство благодарности к пожилому уже человеку, который, сам будучи до смерти перепуганным, все же пытается позаботиться о других. «Не все купцы одинаковы! Не все такие, как Осмет и мои братья!»

Впрочем, Карвен быстро забыл о купце. Не до того было.

– Вот так, – довольно сказал он, одну окровавленную щепочку пристраивая за воротник плаща воина, а другую отправляя себе за шиворот. – Теперь, если маг даже посмотрит... ничего, кроме пролитой им невинной крови на трактирном полу, он не увидит!

– А ты в этом разбираешься, как я погляжу, – одобрительно промолвил воин.

– Сын кузнеца должен в таком разбираться, – с гордостью ответил Карвен.

- Нет времени для тебя второго коня искать. Удержишься у меня за спиной?
- Постараюсь. Я кузнец, а не всадник, но раз нужно – удержусь.
- Что ж, тогда вперед.

Едва коснувшись холки коня, воин оказался в седле. Карвен такой удалью похвастать не мог. Нет, приходилось, конечно, верхом ездить. И не один раз. Но чтобы так... «А ведь он уже немолод. Куда как старше меня будет», – подумалось Карвену, когда он, ухватившись за протянутую руку, вскарабкался в седло. Конь рванул с места, будто того и ждал. Карвен левой рукой вцепился в плечо своего командира. В правой он по – прежнему сжимал молот.

Дорога летела под ноги, со всех сторон глядели подступающие сумерки.

«Как же так, – держась что было сил, размышлял Карвен. – Ведь и не солдат я, и ничему такому не обучался никогда, и даже ни о чем таком никогда не думал... а только вышло, что у меня командир есть, и я на войне...»

Он не мог сказать, нравится ему или нет то, что с ним произошло. Слишком быстро все менялось – только успевай поворачиваться. Одно было ясно: то, что он делает, – правильно. А что это вовсе не его дело – разве там кто другой был, кто справился бы? И разве командир взял бы его, если б видел, что он не справится?

Роскошный постоялый двор на окраине Фринилия встретил их запертыми на ночь воротами.

– Хорошо, что хозяин этого места меня знает, – сказал воин, спешиваясь. – Иначе его дела были бы плохи. Впрочем, они и так могут оказаться хуже некуда... было бы жаль...

– Бойтесь, что маг его заколдовал?

– Боюсь, – проворчал воин. – Заколдовал или вот – вот заколдует. Его... и всех остальных постояльцев, чтоб они отвлекли стражу, а он мог беспрепятственно уйти. Я лишь надеюсь, что у него сил не хватит на еще одно такое колдовство, потому что если хватит... они ведь не разбойники, чтобы просто так вот взять их всех и убить.

– Значит, надо их предупредить...

– Надо, – кивнул воин. – Вот мы сейчас и попробуем. А маг действительно нас не видит?

– Не знаю, – честно ответил Карвен. – Я еще ни разу...

– Понятно, – вздохнул воин. – Что ж, поскольку другого выхода у нас все равно нет...

Он подошел к воротам и громко в них постучал. Вразнобой залаяли собаки.

– Хорошо, хоть собаку заколдовать куда трудней, чем человека, – пробормотал воин.

– Кто там? – послышалось из – за ворот.

– Хозяина зови, – коротко приказал воин. – Скажи, уважаемый Верген зовет. Скажи – срочно.

– Да хозяин спит уже, – испуганно ответили ему. – Мы уж час как закрылись.

– Буди своего хозяина и зови сюда, – настаивал воин. – Да тихо, смотри. Проснуться должен только хозяин, больше никто.

– Хозяин не любит, когда его почем зря будят, – донеслось из – за ворот. – Может, вы с утра пожалеете?

– Бегом! – отрезал воин. – Он должен быть здесь немедленно! Вы в большой беде, парень, и только от твоей расторопности зависит, уцелеете ли!

– Я позову, – послышалось из – за ворот. – Но если что – я не в ответе.

Как нелепо порой складывается жизнь, подумал Карвен. Этот вот несчастный боится будить хозяина, потому что тот осерчает, а ведь и его, и хозяина подстерегает куда худшая участь. Может ли быть что – то более страшное, чем стать куклой в чужих руках? Творить невесть что, ничего об этом не ведая?

«Если бы со мной такое произошло, я бы хотел, чтобы меня убили!»

Где – то хлопнула дверь, чьи – то шаги торопливо простучали по ступенькам вниз. Кто – то цыкнул на собак, и они дружно смолкли.

– Ну, кто меня звал? – недовольно донеслось из – за ворот.

– Доброго здоровья, уважаемый Онкет, – откликнулся воин. – Это я, Верген.

– И впрямь, – промолвил хозяин. – Верген. По голосу слышно. Открывай, ребята!

Ворота постоянного двора осторожно скрипнули, пропуская их внутрь.

– И вам доброго здоровья, уважаемый Верген, – приветствовал хозяин постоянного двора, обращаясь к воину. – Давно не виделись.

Один из троих бывших при нем слуг повыше поднял масляную лампу. Другой перенял у воина его коня.

– У вас сколько постояльцев нынче, уважаемый Онкет? – сразу перешел к делу воин.

Тот удивленно приподнял бровь.

– Что за странный вопрос, уважаемый Верген? У меня, конечно, нет от вас никаких секретов, у меня и вообще нет ни от кого секретов, я их терпеть не могу, но...

– Вопрос жизни и смерти, – прервал воин. – У меня есть все основания предполагать, что среди ваших постояльцев находится один весьма опасный человек. Так сколько?

– Семеро проезжих купцов, со слугами, итого двадцать человек, да трое постоянных жильцов.

– А есть ли среди них некто с черным перстнем на указательном пальце правой руки?

– С черным перстнем? – переспросил хозяин. – Не припоминаю такого. Может, съехал уже?

– Глаза серые, колючие, волосы с проседью, нос чуть набок свернут. Лицо неприятное. Небольшой шрам над левой бровью.

– Седоватый – то один есть. И глаза вроде серые. Насчет неприятного лица это как посмотреть... мне такие рожи попадались, что... но перстня у него точно нет.

– А как насчет носа?

– Носа... – протянул хозяин. – А ведь и в самом деле свернут! – вдруг воскликнул он. – Как есть свернут! И шрам над левой бровью имеется. Как я мог забыть?

– Думаю, он вам в этом весьма поспособствовал, уважаемый Онкет, – отозвался воин. – Он, видите ли, маг. Вот только маг слабенький, так что его чары долго не держатся. Будь он по – настоящему сильным магом, к чему бы ему заниматься злодеяниями, да еще такими мелкими? Впрочем, должен отметить, что одно весьма опасное заклятие удается ему блестяще.

– Да? – хрипло спросил хозяин, словно почуяв недоброе. – Что вы такое говорите, уважаемый Верген?

– Он с успехом сводит с ума одних людей, натравливая их на других, уважаемый Онкет. Я как раз оттуда, где он это проделал. Несчастный Дэрис... Вы должны его знать...

– Знаю, – взволнованно перебил хозяин постоянного двора. – Что с ним?! Неужто его убили?

– Его – нет, – ответил воин. – Хотя без невинных жертв не обошлось. На его трактир напали кем – то околдованные разбойники. Я не успел сосчитать, сколько погибло посетителей. Разбойников было человек тридцать. Маг наслал их на трактир, когда бедняга – трактирщик отказался заплатить ему некую сумму.

– Не отказался, а не смог, – поправил Карвен. – Это при мне было. Я слышал. Этот гад требовал больше, чем у трактирщика было, и не согласился подождать.

– Тем более, – кивнул воин. – Так вот, трактирщик сказал, где живет этот маг – вымогатель, и дал его приметы.

– Понятно, – кивнул хозяин постоянного двора. – Этот, который у нас живет, – точно маг. Если это и впрямь он... то он сейчас должен быть у себя. Как с утра позавтракал, так по каким – то своим делам и уехал, на обед и ужин не явился. Приехал, когда мы уж ворота запирали собирались, от ужина отказался, сказал, что хочет немедля лечь и чтоб его не беспокоили. Ну, не хочет человек есть – его дело, я и сам спать пошел. Кто ж мог знать...

– Примерно так я и думал, – кивнул воин. – У слабого мига такое заклятие должно отнимать кучу сил, а он ведь не просто натравил этих разбойников, он еще и управлять ими пытался. Их смерть не могла не отразиться на его самочувствии.

– А у меня – то он никого не околдует? – забеспокоился хозяин постоянного двора.

– Очень надеюсь, что нет, – ответил воин. – Я сперва думал тихонько вывести всех ваших постояльцев, от греха подальше, куда-нибудь на улицу, но двадцать с лишком человек тихо не выведешь. Что ж, попытаемся застать его врасплох.

Свеча восходила вверх по лестнице. Свечу нес хозяин постоянного двора, уважаемый Онкет. А вслед за ним, в темноте, шествовали возмездие и смерть с обнаженной шпагой в руках. Карвен с молотом замыкал шествие.

– Здесь... – одними губами произнес хозяин постоянного двора, глазами указывая на красивую резную дверь.

– Свечу, – шепотом откликнулся воин, протягивая руку.

Свеча перекочевала к нему.

– Так, – шепнул он, обращаясь к Карвену, – я первый. Ты – за мной.

Он решительно навалился на дверь. Она подалась неожиданно легко, похоже, была не заперта. Впрочем, окно тоже было открыто, и ветер шевелил занавеси. В комнате никого не было.

– Почуял... – процедил воин.

– Сбежал? – недоуменно выпалил хозяин постоянного двора. – Но... куда? И собаки не лаяли...

На добротном дубовом столе трепетал под ветром огарок свечи. И что – то лежало. Хозяин подошел к столу и...

– Смотрите! – воскликнул он. – Смотрите, уважаемый Верген! Он оставил письмо.

– Письмо? – Воин взглянул в приколотый к столу ножом листок.

– И деньги, – с удивлением добавил Карвен. – Много. Этот маг, видать, так перепугался, что...

– Нет. – В голосе воина вдруг прорезалось нечто жуткое. – Он не испугался. Ты в письмо загляни.

– Разве можно читать чужие письма?! – обиженно вскинулся седьмой сын кузнеца.

– Оно не чужое, – зло усмехнулся воин. – Нам с тобой адресовано.

– «Милостивые государи... Ввиду вашего несомненного превосходства... уступаю вам... уступаю вам эти края и оставляю... оставляю небольшой гостинец, как это меж добрыми людьми... делается», – запинаясь, прочитал Карвен. – Это он нам?

– Нам, – кивнул воин. – Это он зря. Я этой мрази его поганые деньги в глотку забью!

Через распахнутое окно долетело залиvistое ржание, а потом грохнул пистолетный выстрел.

– Проклятье! – взвыл воин. Взмахом руки погасил обе свечи и сиганул в окно. Карвену пришлось последовать за ним. «Хорошо, хоть не слишком высоко!» – думал он, торопясь за мелькавшей в темноте фигурой своего спутника. «И зачем я в это ввязался?» – поспешала следующая мысль, но он продолжал бежать.

Воин отыскался неподалеку от коновязи. Он внимательно оглядывал своего коня. Рядом на земле сидел скрюченный от боли слуга, взявший на себя заботу о коне. Возле него валялись два пистолета.

– Да что ж это такое? – ныл и причитал он. – Да что ж это делается, а? Да как же это вышло?

– Что именно вышло? Отвечай! – грозно потребовал от него воин.

– Постоялец наш... маг который... шаст сюда! Отвяжи мне, говорит, крайнего! Я ему – да то ж чужой! А сам смекаю – надо ж караул кричать! Да только что – то не кричится мне – как рот открыл, так и забыл, зачем открывал – то. А он мне – отвязывай! И как – то так глянул,

что у меня вдруг в голове все – все смешалось... иду, отвязываю... понимаю, что делаю что – то не то, а что – в толк не возьму. Подвожу ему коня, а он мне пистолеты сует. На каком коне приехали те двое, что за мной охотятся? – говорит. Я ему – на этом вот. А он тогда – я отъеду, подождешь минут пять и застрелишь ихнего коня, говорит. Я ему – да вы с ума спрыгнули? А он мне – застрелишь, и все! А когда они на выстрел прибегут, застрелишь того человека, который со шпагой. Сунул пистолеты, вскочил в седло, и поминай как звали. Только к воротам подъехал, как они сами собой раз – и открылись! А у меня в голове совсем плохо сделалось. Чужого коня кому отдать – грех, но чтобы застрелить... коня ли, человека ли... А я пошел. Встал поближе, стрелять – то не умею... стал целить... а он меня копытом по руке! Пуля – в небо, конечно, а рука... может, что и сломана. От души, окаянный, врезал. Но я на него не в обиде. Потому как от такой боли у меня сразу все на места в голове встало. В вас я уж и не думал стрелять, господа. Вы уж простите, что я эдак... не в своей воле был.

– Нет на тебе вины, – сказал воин, быстро ощупывая его руку. – Так. Перелома тоже нет. Ушиб сильный. Пройдет. Иди быстренько проверь, что с вашими собаками. Почему ни одна не лает?

– Сейчас, – кивнул слуга, подымаясь на ноги. – Сейчас схожу...

Обратно он вернулся довольно быстро.

– Спят! – потрясение объявил он. – Все как одна дрыхнут.

– Ясно, – сказал воин. – Не так уж он и слаб, этот мерзавец. А страх даже откровенных негодяев делает сильнее. А теперь ответь, на руке мага, когда он к тебе подошел, был перстень с черным камнем – или нет?

– Был, – кивнул слуга. – Здоровенный такой. Сразу в глаза бросился, хоть и темно. А только он своей чернотой, как бы сказать, светится. Как маленькое черное солнышко горит.

– А раньше ты на нем что – либо подобное видел?

– Нет, ни разу.

– Вот и ответ, – себе под нос пробормотал воин. – Перстень, видимо, увеличивает его силу. Просто так он его не носит. Только тогда, когда понадобится. Что ж... В город его по ночному времени не пустят, да там и на королевского мага натолкнуться можно, а если убираться прочь, не проезжая вновь мимо трактира бедняги Дэриса, где наверняка уже кишит стража... тогда дорога только одна, и особенно далеко он по ней не уедет.

– Сбежал, окаянный?! – Хозяин постоялого двора задыхался от быстрого бега.

– Сбежал, – кивнул воин. – Но мы его сейчас нагоним, уважаемый Онкет. Вы не одолжите моему спутнику коня порезвей?

– Берите, уважаемый Верген, – ответил хозяин постоялого двора. – Какие вопросы!

– Должно быть, скоро заявится стража, – прибавил воин. – Ей передайте, что преступник удаляется по Малому Южному тракту и его преследуют двое. Пусть поспешат за нами.

Карвен влез на указанного ему жеребца. Воин вскочил на своего коня. Ночь качнулась и взяла с места в галоп.

* * *

Ночь, перемешанная с туманом, клочьями летящим в лицо, ночь, огромными скачками несущаяся навстречу, ночь, пронзающая тебя насквозь и остающаяся за спиной... ночь – и где – то там, впереди, неведомый и опасный враг.

Враг, убегающий от тебя, спасающий свою жизнь... человек, играющий людьми, точно куклами, тот, для кого чужая жизнь ничего ровным счетом не значит, не разбойник, не душегуб, куда хуже... разбойники – кто Господа, кто Светлых Богинь бояться... они бы нипочем не стали всех подряд убивать, если б их не околдовали, а этот...

Полная луна стоит над дорогой, освещая погоню, полная луна раздвинула облака, чтобы поглядеть вниз.

Левая рука Карвена судорожно вцепилась в поводья, правая сжимает молот. С ним никогда еще ничего такого не происходило, он скакал, как во сне, почти зачарованный происходящим. Быть может, именно поэтому он не сразу отметил появление чужих, непрошенных, мыслей у себя в голове.

Его спутник, высокий суровый воин, кто он такой? Откуда?

Этот устрашающий незнакомец, чьего имени он не знает, только что безо всякой жалости зарубил и заколол почти четыре десятка человек. И вот, неистово и увлеченно, гонится за последним оставшимся в живых, чтобы лишить жизни и его. Он ведь не сомневается, что справится с магом, не боится колдовства... откуда у него столь устрашающая уверенность в собственной неуязвимости?

Кто он? Человек ли он? Есть ли у него вообще имя? Знает ли он, что людям свойственно иметь имена? Улыбаться, дружить, любить друг друга, жениться и заключать торговые сделки... Не порождение ли он темных сил, о которых священники и маги говорят шепотом, а прочие и вовсе предпочитают помалкивать?

И что будет, когда он все – таки уничтожит мага? Не обернется ли он потом к своему последнему спутнику, сняв наконец маску? Не уничтожит ли единственного живого свидетеля, чтобы потом навсегда раствориться в исторгнувшей его ночи?

Так можно ли убивать человека, помогая исчадию тьмы? Не безумие ли это? Не объединиться ли людям, живым и теплым, против призрака мглы!

Волна ледяного ужаса на миг окатила Карвена. Он бросил короткий взгляд на скакавшего рядом с ним воина. Резкое, горделивое и впрямь какое-то нечеловечье лицо... не эльфийское, нет, другое...

«Другое! Другое! – торжествовал голос в голове. – Убей его, пока он на тебя не смотрит, пока он тебе доверяет! Убей его, пока он не убил тебя!»

Что ж, маги тоже ошибаются. Особенно когда дрожат от страха.

«Убить, пока доверяет?! – возмутился седьмой сын кузнеца. И отличил наконец свои мысли от чужих. – Так вот как ты, гад, людей – то заколдовывал! Однако ж от страха у тебя в голове все путается. И вовсе ты не „единственный оставшийся в живых“, я тоже человек, и спутник мой, да и, кроме нас, люди на белом свете имеются. А имя его я уже несколько раз слышал... уважаемый Верген. Это твоего имени я не знаю, так, может, это ты – призрак? А если бы не мой спутник, твои разбойники вырезали бы всех посетителей. А это ведь тоже живые люди. И нечего тут врать, равно как и лезть в чужую голову без спросу. Вот сейчас как догоним...»

Ночь летит в лицо, ночь хватает за плечи, ныряет под копыта коня и воет далекими волчьими голосами... и где – то там, в этой ночи... точка. Крохотная точка, стремящаяся прочь, прочь, прочь... точка, от которой исходят волны ужаса и ненависти. Медленно растущая, приближающаяся точка...

– Этот дурак сейчас загонит коня. – В тоне воина неподражаемая смесь ядовитой насмешки и гадливого гнева. – Ему не уйти. Он наш.

Волна ужаса, пришедшая от мага, ощущается почти реальной болью.

– У него с собой четыре пистолета и шпага, – звучным, слышным даже через оглашенный конский топот, голосом продолжает воин. – Но он промахнется... Все четыре раза подряд промахнется... а шпагу просто уронит. Такие трусы не умеют сражаться сами. Они предпочитают, чтобы за них умирали другие.

Черный ужас, долетающий от мага, хлещет, словно бичом, теснит дыхание. Но это не насланный страх, с коим простому человеку не справиться, это страх самого мага, который

он не в силах сдержать. Страх, задевающий прочих лишь краем, страх, лишаящий сил самого мага.

Ему и в самом деле не уйти, и сопротивляться он не сможет. Для него все кончено, и он знает об этом.

Черная точка растет, увеличивается в размерах и внезапно раздваивается... одна из точек продолжает движение, вторая остается на месте.

– Гаденыш упал с коня. – Презрение в голосе воина крепчает. – Мне будет противно его убивать, честное слово! Он сейчас еще и на колени вздумает падать, пощады просить...

Крохотный силуэт мага раскидывает руки в стороны. Из рук вырывается сияющий язык белого пламени. Вырывается и тотчас гаснет.

«Ну, где же ты, господин?! Приди, спаси меня! – вновь доносятся до Карвена обрывки чужих мыслей. – Меня ведь сейчас на самом деле убьют, и где ты тогда возьмешь такого преданного слугу?!»

– Он бы еще с того света в нас своим заклятием запустил, – хмыкает воин.

Маг раскидывает руки еще раз, после чего бессильно их роняет. У него явно нет сил на еще одно такое же заклятие.

– Ну, вот, собственно, и все.

Кони несут вперед, маг все ближе. Он резко вскидывает руку, и грохот пистолетного выстрела подхватывает ночное эхо. Тонкий писк улетающей невесты куда пули. Маг вскидывает руку еще раз. Еще... Еще...

Да сколько же у него пистолетов!

Эхо играет грохотом пистолетных выстрелов, перекидывая их, как огромные невидимые мячики. Жалобно поскуливая, пролетают навсегда осиротевшие пули.

«И впрямь четыре пистолета. Воин и тут оказался прав!»

Маг уже рядом. Воин спрыгивает с коня и выхватывает шпагу. Карвен поспешно сползает со спины своего, стремясь не отстать от товарища. Маг бросает бесполезный пистолет, раскидывает руки в стороны, и... ничего. Маг торопливо достает свою шпагу и тотчас ее роняет. Нагибается и застывает, с ужасом глядя на шагнувшего к нему воина.

– И вот такое мне придется убить. – Омерзение в голосе воина. – Честное слово, противно!

– Да ведь и тараканов давить противно, и крыс убивать, – сочувственно говорит Карвен. – А что поделаешь, если надо? Они ж белый свет сожрут, если их не убивать.

– Верно, – с облегчением кивает воин, замахиваясь шпагой. – Твоя правда.

Из ладоней мага вдруг полыхает пронзительно – белым пламенем. Воин стремительно отшатывается, но белое пламя, закрутившись невероятной спиралью, обвивается вокруг самого мага. Пронзительный вопль длится недолго.

– Хвала Господу! – восклицает воин. – Кажется, он услышал мои молитвы. Этот негодяй умер от собственной руки. Мне не пришлось давить эту погань...

– А... где перстень? – спрашивает Карвен, рассматривая совершенно чистые, не обуглившиеся руки мага.

– А действительно – где? – настороженно повторяет воин.

– Может, он его снял? Или выбросил?

– Перед решительной битвой? Чтоб самого себя ослабить? – фыркает воин.

– А если уронил? Как шпагу... Кстати, откуда вы узнали, что уронит... и про пистолеты...

– Я нарочно так сказал. У меня чутье на таких мерзавцев... небольшое, а все же... он же нас слушал все время... и боялся... так боялся... Вот я и сказал, чтобы он еще больше боялся и уж точно промазал... а потом и шпагу уронил...

За спиной послышался приближающийся топот копыт.

– Ага, кажется, это стража... – заметил воин. – Что ж, должен признать, они почти не опоздали...

В его голосе горькая ирония.

«А ведь и впрямь, – внезапно понял Карвен. – Если бы не мы – собрали бы они трупы в том несчастном трактире. Совсем другие. Трупы ни в чем не повинных людей. А дальше – то что? Мага они бы не поймали. Он бы давно ушел. Да ему и прятаться бы не пришлось, если уж на то пошло. Трактирщика бы тоже разбойники убили. Кто бы тогда сказал, что маг скрывается в „Белой лани“? Кто бы тогда сказал, что он вообще был? Просто решили бы, что на трактир напали разбойники. Может, их бы потом и поймали, вот только они бы вовсе ничего не помнили. А их бы все равно повесили. Кто ж таким душегубам – то поверит?»

Карвен вздохнул. Его привычное почтение к стражникам, почтение селянина к горожанам, да еще и облеченным видимой властью, потерпело сокрушительный удар. На поверку они оказались теми, кто плохо выполняет свою работу. А в деревнях к таким относятся соответственно. И если некто, из лени делающий плохие корзинки, вызывает всего лишь презрительный смех, то мерзавец, поленившийся залить водой из колодца вспыхнувший соседский амбар с зерном или хоть прибежать к соседу на поле – сказать, какая беда стряслась, вызовет на свою голову самосуд, немедленный, скорый и страшный. Так что приехавшим из города властям и судить – то уж некого будет.

– *Сами разобрались, – разводя руками, скажет старенький полуэльф – священник.*

– *Как сами?*

– *Да уж так, господа, вышло... грехи я ему отпустил, а остальное в руках Дня и Ночи.*

Вы на похороны останетесь?

Власти в таких случаях обычно не вмешиваются. Раз вся деревня так решила, значит, и впрямь за дело. Особенно если священник на стороне деревни. Он, известное дело, перед Богом и Богинями ответ держит.

Карвен смотрел на подъезжающих со смесью презрения и страха. Это была власть. Та самая городская власть, которая могла спросить с деревенских за убийство нерадивого лентяя. Нерадивая, не пришедшая на помощь тем, кого она обязана защищать. Власть, опоздавшая быть властью.

Карвен с благодарностью припомнил купца с топором в руках, пытавшегося хоть как – то позаботиться о нем. Не все торгаши такие гады, как его братья, остается надеяться, что и стражи не все таковы, как эти.

Стража подъехала с шумом и топотом.

– Так! Вы кто такие?! Почему здесь?! – Начальник стражи явно привык хватать быка за рога, а врага за горло. Ну, или старательно делал вид. Впрочем, мог ли он быть другим при его – то должности?

Карвен посмотрел на них с опаской. Куча лентяев с оружием в руках... может, они еще хуже разбойников?

– Повторяю, кто вы такие?! – вновь прогудел начальник стражи.

– Мы – то? – насмешливо откликнулся воин. – Прохожие, сударь. Самые обыкновенные прохожие. Прогуливаемся тут туда – сюда. Вроде бы никаким королевским указом прогулки пока не возбраняются. Правда, тут под ногами мертвые маги валяются, но ведь это больше по вашей части, господа стражники, верно? Нас это как бы не касается...

– Прогуливаемся, да? – Начальник стражи явно не собирался давать спуску подозрительным проходившим. – Шпага и молот! Хороша прогулочка! После вас в трактире Дэриса трупы считать устали! Хватит уже, нагулялись! Именем закона вы задерживаетесь до выяснения всех обстоятельств этого дела!

– А разве трактирщик ничего не объяснил? Не рассказал, как все произошло? – обиженно вскинулся Карвен. – Это что, получается, мы людей убивали?!

– Спокойно, Карвен! Все выяснится. Откуда им знать, кто прав? – шепнул воин. И громче добавил: – Мы последуем за вами по собственной воле, господа. Законопослушным подданным империи не требуется принуждение.

– Вы немедленно сдадите ваше чертово оружие! – прорычал начальник стражи. – Немедленно!

– На вашем месте я бы не стал на этом настаивать, – вежливо, но твердо ответил воин.

– Почему это?! – еще грознее рявкнул начальник стражи, но в грохочущем голосе отчетливо прозвучала нотка неуверенности.

– Разбойников, напавших на трактир, было больше, – столь же вежливо пояснил воин. – Если бы вам удалось их оживить, они, вероятно, ответили бы на ваш вопрос самым исчерпывающим образом. Впрочем, даже будучи мертвыми, они остаются недурными аргументами в пользу моего более чем вежливого предложения оставить нам наше оружие и не обременять стражу лишней работой.

– Сопротивление при аресте?! Угроза при исполнении?! – еще более неуверенно прорычал начальник стражи.

– Ну что вы, какое сопротивление? – мягко укорил воин. – Мы же не отказываемся с вами ехать. И дать все необходимые показания – тоже.

– Отказ сдать оружие – сопротивление! – упрямо гнул свое начальник стражи, хотя любому уже было ясно – никто оружия ему не отдаст, и он сам это отлично понимает.

– Если бы мы вздумали сопротивляться, нас окружало бы гораздо больше мертвых тел, – ласково пояснил воин. – Собственно, нас окружали бы одни только мертвые. А это неприятно. Общество живых нравится нам гораздо больше. Даже если они невоспитанны и неучтивы.

– Оставьте этим господам их оружие. Маг и в самом деле мертв, а они ни в чем не виноваты. Скорей уж они достойны награды, о чем я и доложу бургомистру. – Еще один всадник подъехал откуда – то со стороны. Незаметно, как тень. Даже воин вздрогнул, когда новопривышедший внезапно вмешался в беседу.

– Кто знает, сколько бед успели бы натворить околдованные разбойники, пока доблестная стража под вашим командованием, господин Тованн, добралась бы до них, – продолжил новопривышедший. – К тому же, сколько я понимаю, за головы большинства этих мерзавцев назначена награда, так что убивать их – не преступление, а забота о благе общества. Что же касается мага... он натворил бы еще больших дел, если б его не остановили.

– Как скажете, господин Лури, – поклонился начальник стражи. – Вам виднее. Оставить сударю его шпагу, при условии, конечно, что он пообещает ею не размахивать, это даже правильно. А вот мальчишка свой молот мог бы и сдать, он – то явно из простых... Это надо же – так размахивать этой чертовой железякой! Она даже на взгляд тяжелая! В парня демон вселился, не иначе!

– Оставьте, – вновь повторил заступившийся за них господин Лури. – Нет в нем никакого демона, это я вам авторитетно заявляю. Господину бургомистру наверняка будет приятно принять у себя людей, защитивших его город от зловредного мага. Не станете же вы обижать гостей господина бургомистра? Да и столь доблестный юноша быстро пойдет в гору, если продолжит в том же духе, верно?

Господин Лури ласково улыбнулся Карвену. А тот оторопел от внезапного ужаса. На указательном пальце господина Лури... на указательном пальце правой руки, изысканным жестом описывающей в воздухе красивый полукруг, долженствующий придать его словам убедительности, на указательном пальце с длинным хищным ногтем мерцал в свете луны перстень с черным камнем.

Тот самый?!

Карвен почему – то сразу почувствовал, что это тот самый перстень. Или все – таки нет? Так хотелось верить, что нет. Вот только...

– Я бы все же хотел наконец услышать имена, – пробурчал начальник стражи.
– Меня зовут Карвен, – представился юноша.
– А меня – Верген, – тотчас добавил воин.
– Господин Верген? – ворчливо поинтересовался начальник стражи.
– Уважаемый Верген будет вполне достаточно. До господина я в свое время малость не дослужался. Не повезло.

– Бывает, – сочувственно кивнул начальник стражи. – Характер помешал?
– Он самый, – чуть усмехнулся воин.
– Понятно, – кивнул начальник стражи. И вроде бы даже расслабился.
– Кстати, а почему с вами нет священника? – спросил воин. – Я же передавал, чтобы обязательно прихватили! Что, если бы маг не помер с перепугу, убив себя собственным заклятием, а вместо этого околдовал бы нас, а затем и вас?

– А вам и вообще не следовало лезть в это дело, – пробурчал начальник стражи. – Вы, конечно, герои и все такое, вот только... Все же это наша работа. А если б он вас околдовал, нам пришлось бы убить вас точно так же, как вы убили разбойников. Вот только прав на это у нас было бы больше. Я это не к тому, что хочу кого – то в чем – то обвинить. Просто я терпеть не могу, когда кто – то вмешивается в дела стражи, пытаюсь ее подменить. Это, между прочим, нарушение закона.

– Если бы у меня была какая – то надежда, что маг спешится и вас подождет, я бы так и сделал... положился на правосудие и законность и подождал бы, пока они не осуществляются, – ответил Верген. – Однако же гадкий маг не собирался вас ждать. Он убежал, и довольно быстро. Правосудие и законность могли за ним попросту не успеть. Мы поспешили за означенным мерзавцем, дабы задержать его до прибытия законных представителей власти. И мы его даже не убивали, как я только что упоминал. Мерзавец умер сам – руки от страха задрожали. Самому сражаться – это не околдованных разбойников на мирных трактирщиков настраивать. Так все же почему нет священника?

– Не нашли мы его, – нахмурился начальник стражи господин Тованн. – Он по своим делам уехал... Это слуга его так говорит, что по делам, – ворчливо добавил он, – а я так смекаю, старый развратник опять удачно задрал платье какой – то смиренной прихожанке – теперь его до завтрашнего вечера сам Пресветлый Господь не отыщет.

Похоже, он окончательно сдался и перестал считать задержанных государственными преступниками, раз уж делился с ними такими подробностями из личной жизни местного священника. Преступникам такое, знаете ли, не рассказывают.

– Вместо священника с ними отправился я, – вмешался господин с черным камнем в перстне.

– Вы? – переспросил воин.

– Я умею управляться с магами, – с достоинством кивнул тот, а Карвену потребовалось значительное усилие, дабы отрешиться от мысли, что этот пугающий незнакомец и лежащий на земле мертвый маг – разные люди. Да нет, конечно, разные, они даже и не похожи нисколько, и их все – таки двое, один живой, другой – мертвый, один лежит, другой сидит в седле, а все же... было в них что – то такое, что позволяло с легкостью представить их одним и тем же человеком.

А вдруг маг – настоящий маг! – просто наколдовал это мертвое тело, а сам сидит себе в седле, в душе потешаясь над ними, от стражи их защищает... ждет, когда шум уляжется...

И черный перстень у него на пальце, тот самый черный перстень, перекочевавший с руки мертвеца на руку живого, тот перстень, что в один голос описывали все, кто видел этого мага... тот перстень – или не тот! Нет, не все его описывали, вот ведь хозяин постоянного двора, уважаемый господин Онкет, его даже и не вспомнил. Да и мало ли перстней с черными камнями на белом свете?

Карвен вновь украдкой посмотрел на перстень, и перстень, грозно сверкнув черным камнем, поглядел в ответ.

– Что ж, пора осмотреть этого чертова дохлого мага, – смущенно пробурчал начальник стражи. – Нужно немедленно занести в протокол осмотра его чертов труп. Прошу меня простить и подождать немного, я должен... приступить к своим обязанностям... Выполнить свой долг, так сказать... Еще раз прошу прощения...

Он умудрился поклониться всем троим сразу. И воину, и Карвену, и господину с черным камнем в перстне. Господину, имевшему власть над городской стражей и, что еще более занимательно, возможность пригласить кого – то на обед к бургомистру.

«Бургомистр ведь приглашает своих гостей сам, разве нет?» – ошеломленно подумал Карвен, украдкой разглядывая пришедшего к ним на выручку невесть кого. Был ли он похож на того, первого мага, что угрожал трактирщику? Или все – таки нет? А на этого... Или все это – глупости, игра воображения? Если б он и впрямь был магом, разве стал бы он так нагло являться своим преследователям? Да еще и перстнем красоваться.

«Но ведь он не знает, что им известно про перстень? Или знает?»

– Лонс, Трэй, Ланери – приступайте! – скомандовал тем временем начальник стражи своим людям. – И не копаться! Чтоб я три часа у этого трупа здесь не торчал! Быстро все осмотреть, и точка!

Он посмотрел на труп мага с безгловым опасением и соскочил с коня.

– Нам лучше отойти, господа, – негромко промолвил господин с загадочным перстнем на пальце, также спешиваясь. – Не будем мешать страже выполнять их долг.

«Он знает, что среди нас нет ни одного господина, и все же именует нас именно так, – подумалось Карвену. – Интересное дело».

– Отойдем, – кивнул воин, внимательно приглядываясь к незнакомцу.

«Тоже небось перстень заметил! Не мог не заметить!» – сообразил Карвен, удивляясь себе самому. Совсем недавно ему этот воин был точно таким же чужаком, незнакомцем, а теперь – свой, несмотря на то, что Карвен ничего, кроме имени, о нем не знает. Так – то вот. Он ему настолько свой, что... даже и сравнить – то не с кем. Сразу после отца с матерью, наверное... А ведь он его первый раз сегодня увидел. Или так всегда происходит, когда с кем – то бок о бок сражаешься?

Карвен стоял, поражаясь внезапно охватившему его странному ощущению: вот здесь, на этой освещенной лунным светом дороге, у тела мертвого мага, окруженный только что собиравшейся их арестовать стражей – он был дома. Дома.

Это было странно и, может быть, неестественно, но это было. Стражники не были стенами этого дома, дорога не была полом, мертвый маг – порогом, а лунный свет – крышей, но впервые с того момента, как умер отец... или нет, раньше... с того, когда умерла мать, а братья связались с купцом Осметом, с тех самых пор Карвен впервые чувствовал себя дома.

Тот, старый, дом обрушился не сразу. Он был крепко скован, и, если б его не разрушили изнутри... предательство – это такая ржа, любую сталь проест. А теперь... Карвен не мог понять, откуда в нем взялось это внезапное и сильное чувство, невероятное чувство того, что все правильно и теперь всегда будет правильно. Что ж, зато он мог войти в дом и закрыть дверь.

– Уважаемые, это же ваши кони? – спросил тем временем один из стражников, указывая на бродивших неподалеку коней.

– Наши, – кивнул воин.

– Тогда я их поймаю и приведу.

– Мой сам придет, – ответил воин и коротко свистнул.

Конь ответил ему веселым ржанием и тотчас направился к хозяину.

– Ну, я тогда другого приведу, – кивнул стражник, направляясь к коню Карвена.

– Там, где – то дальше, еще и конь, на котором этот маг удрать пытался. На самом деле он из «Белой лани».

– Маг его похитил? – обернулся стражник.

– Он на нем сбежал, когда понял, что мы его сейчас ухватим за шкуру, – ответил воин. – Тот конь был, вероятно, резвей его собственного. Так что уважаемый Онкет будет вам весьма благодарен, если вы вернете на место коня одного из его постояльцев. Вряд ли такое досадное происшествие, как утрата чужого личного имущества, хорошо скажется на репутации его заведения.

– Понял. – И стражник поторопил собственную лошадь.

– Не могу не выразить свое восхищение вашим воинским мастерством, господа, – промолвил меж тем незнакомец с черным перстнем на пальце.

«Впрочем, начальник стражи ведь как – то его называл, – припомнил Карвен. – Кажется, господин Лури, а самого начальника стражи господином Тованном зовут».

– Я имел честь осматривать место вашего сражения в трактире Дэриса, – продолжал господин Лури. – И должен вам заметить, мало кто мог бы противостоять такому количеству хорошо вооруженных и поднаторевших в своем кровавом ремесле людей, а уж выйти из такого поединка победителями, причем, сколько я могу судить, без единой царапины... Господин бургомистр будет просто счастлив выразить вам свое искреннее восхищение!

– А почему вы все время за него говорите, господин Лури? – внезапно вырвалось у Карвена. Честное слово, он не собирался ничего такого ляпнуть, он и вообще собирался помалкивать, но как тут промолчишь, когда кто – то за кого – то другого говорит так, словно это он самый и есть? Тут и не захочешь, а скажешь что-нибудь.

– Я его близкий друг, – слегка поклонился Лури. – Кое-что могу предсказать заранее. Впрочем, любой достойный человек не оставил бы без внимания столь беспримерный подвиг. И в особенности то, что оный подвиг был доведен до логического завершения. Мало было бы толку убить одних только разбойников. Обычный герой так бы скорей всего и поступил, предоставив магу полную возможность продолжать свои злодеяния. То, что вы пошли дальше, господа, не только приводит меня в полный восторг, но и вызывает невольное уважение. А заслужить мое уважение непросто.

Черный камень перстня вновь грозно сверкнул в свете луны.

– Вот ваш конь, уважаемый Карвен. – Стражник протягивал Карвену поводья.

Карвен поблагодарил, принимая их. Слышать из чьих – то уст обращение «уважаемый» было странно. Даже страннее, чем «господа».

– А конь, на котором пытался ускакать маг? – тотчас спросил воин.

– Поймал, – довольно похвастался стражник. – Если удастся немного заработать, с меня вино, уважаемые.

– Что ж, этого довольно, – послышался голос господина Тованна. – Лонс и Трэй, возьмите труп, и поехали!

– Но... господин капитан... – виновато пробормотал один из тех, кому выпала эта неприятная миссия. – Он же маг... он...

– Он – труп! – оборвал его начальник стражи. – А ты при исполнении. Вот и исполняй!

– Но, господин капитан... а вдруг он... – нерешительно подал голос другой. – Вдруг он... это...

– Послушай, Лонс, я в курсе, что ты ужасно храбрый парень, особенно за обеденным столом, еще ни одно жаркое в поединке с тобой не выстояло. Но, видишь ли, если ты раньше не знал – трупы не кусаются. Так что смело берите его, пристраивайте, и поехали. Я не намерен тут ночевать из – за ваших глупостей!

– Но, господин капитан... – виновато пробормотал Лонс.

– Вы хотите сказать, что его должен везти я? – возмутился начальник стражи.

– Никак нет, господин капитан! – испугался стражник. – Мы просто подумали... Что, если его тут оставить, а завтра с утра взять повозку, найти священника и...

– Оставить его здесь? И думать забудьте! Господин бургомистр с нас три шкуры спустит. И будет прав, между прочим. Что это за порядок – трупы посреди дороги бросать? А вдруг здесь королевский кортеж вздумает проехать или еще какие знатные господа? Тогда уже с господина бургомистра шкуру спустят, а он нас потом вообще на клочки порвет. Ничего вам этот труп не сделает. Схватили, пристроили – и поехали! Выполняйте! Слышать ничего больше не хочу!

Стражники еще что – то пробурчали, но послушаться не посмели.

– Мы можем ехать, господа, – сказал господин Тованн.

По дороге он разговорился. Уверившись наконец, что два подозрительных типа, положившие в трактире Дэриса целую кучу народу, никакие не бандиты, а вовсе даже добропорядочные граждане, а их злодейское нарушение закона никакое не нарушение, а скорей уж гражданский подвиг, равно как и убиенные отнюдь не несчастные жертвы мерзавцев, а те самые мерзавцы, коих убивать не только можно, но даже и положено, он хотел как – то оправдаться... ну хоть в собственных глазах, если ни в чьих других больше не получится.

– Да я что... – виновато разглагольствовал он. – Прибыли, понимаешь, по зову, а там – гора трупов. Жуть, что такое! И что ты будешь делать? Нельзя же просто так оставить? Трактир – в хлам, стекла все вдребезги... Вы в курсе, почему сейчас хорошее стекло, господа? Ну, то – то! Дверь на одной петле, опять же столы перевернуты, пол черт знает в чем, стены – и те в крови! Даже на потолке кровь. А хозяин как осиновый лист трясется, двух слов связать не умеет. Что тут скажешь? Ну, я его встряхнул маленько, чтоб в разум пришел; кто это, говорю, натворил? Отвечай немедленно! А он, значит, маг натворил, бормочет; А я ему – бреши больше. Все эти люди заколоты или зарублены шпагой! А у этих вот и вообще головы раздроблены. Какая такая магия, что ты несешь? Можете мне поверить, господа, такие вещи любой стражник за пистолетный выстрел видит, а я ж кто и есть! Вот я ему и говорю, при чем тут маг, недотепа ты эдакий? А он мне – тут, говорит, двое были. Один со шпагой, другой молотом орудовал. Они, говорит, всех и убили. Но только они ни в чем не виноваты, они, дескать, – хорошие.

Ну, сами посудите, господа, что я мог подумать? Они всех убили, и они при этом – хорошие! Он ведь даже не объяснил мне, что все убитые – разбойники. Что это они на трактир напали. Откуда мне было знать, как все вышло? Ага, говорю я ему, все так и есть, они трактир разнесли, в убыток тебя ввели, всех, кто под руку попался, убили и при этом – хорошие. Здорово ты рассуждаешь. Сядь, говорю, водички попей да приди в себя малость, а то у тебя от страха, похоже, в башке окончательно помутилось. С каких это пор ты разбойников защищаешь? С какой это стати они для тебя вдруг хорошие сделались? А он мне продолжает – хорошие, и все тут, это убитые были плохие, это они – разбойники. Ну, тут я ему, признаться, просто не поверил. Мало ли что человек в таком состоянии болтает? Может, ему пригрозили чем. Куда, говорю, твои «хорошие» поехали? Мне с ними повидаться приспичило. А он говорит, в «Белую лань» поехали, мага ловить. Дался тебе этот маг, говорю. Беру своих ребят, и скачем. Ну, хозяин постоялого двора мне насчет мага кое-что объяснил, про околдованных разбойников и все такое прочее... но когда б не заступничество господина Лури, я бы вас все же арестовал, господа. Не дело это – столько народу почему зря убивать.

– Так ведь они сами нас убивать пришли, – вырвалось у Карвена. – Что было делать?

– Нас звать, – ответил начальник стражи.

– Вас и позвали, – возразил Карвен. – А только вы где – то задерживались. И что ж нам – умирать, что ли?

– Любой подданный империи, соблюдающий законы, имеет право защищать свою жизнь, честь и имущество, – ответил начальник стражи. – Однако есть границы, переступать которые не следует. Вы их переступили. И сильно. Впрочем, это мое мнение. Господин Лури считает

по – другому, а ему, как говорится, виднее. Мне еще предстоит над этим поразмыслить, особенно если мнение господина бургомистра совпадет с мнением господина Лури. А вас... Вас даже наградят, должно быть. Конечно, если все убитые и впрямь разбойники.

– Все убитые нами – разбойники, – поправил его воин. – Они ведь тоже не стояли сложа руки, ожидая, когда их убьют. Кого – то из посетителей трактира им удалось убить раньше, чем мы вмешались. Кого – то они убили и после. Увы, нам не удалось защитить всех. Этих мерзавцев было слишком много, а посетители слишком рассредоточены по трактиру, сбиты с толку и смертельно перепуганы.

– И как прикажете отличать одних мертвецов от других? – хмуро поинтересовался начальник стражи.

– А это вам, с вашим опытом, и за пистолетный выстрел должно быть видно, – с легкой насмешкой отозвался воин. – Разбойники действовали топорами и ножами. Мы – шпагой и молотом.

– Ясно, – пробурчал господин Тованн, явно задетый. – Понятно.

– Господам, вероятно, следует отдохнуть, – проговорил господин Лури, когда показалась городская стена. – А дачу показаний и прочие подобные вещи лучше отложить на завтра. Скажем, до полудня. А потом я за ними заеду, чтобы сопроводить их на обед к господину бургомистру. К тому моменту, надеюсь, все неприятные формальности будут улажены.

– Нет уж, – проворчал воин. – Лучше разобраться со всем этим прямо сейчас. Чтоб я завтра с утра тащился давать показания?!

– Ну, сейчас так сейчас, – развел руками господин Лури. – Вероятно, вы правы, господа. У вас останется больше времени на отдых, и вы в полной мере сможете оценить обед у бургомистра. Общаться с отдохнувшими и выпавшими собеседниками куда приятнее, чем с несчастными, которые вынуждены делать вид, что они отдохнули и выпались, а на самом деле тихо ненавидят все человечество и мечтают проломить вам голову.

Городские ворота открылись.

– Ну как, господин капитан? Поймали разбойников? – крикнул один из караульных.

– Поймали, – пробурчал начальник стражи. – Вот только они оказались не разбойниками...

– Не разбойниками? – удивленно протянул тот. – Не понимаю...

– А чего тут понимать? – продолжал бурчать начальник стражи. – Все просто... они не разбойники, все куда хуже, они обычные честные подданные короны...

– Даже морду набить не за что? – не унимался караульный.

– А ты как сменишься, сходи к Дэрису в трактир, погляди, во что его эти самые ни в чем не повинные подданные превратили. А потом поразмысли малость, кто кому и чего набьет в случае чего, – фыркнул господин Тованн. – Поехали, господа. Говорят, грешно в воротах столбом стоять, Богини могут разгневаться.

* * *

Давать показания оказалось довольно занудным делом. Все равно что таракана подковырять. Таракан – это тебе не умница лошадь, с которой, если по – хорошему, всегда договориться можно. С тараканом не договоришься.

С начальником стражи господином Тованном договориться, конечно, можно было, но с большим трудом. Карвен так и не решил, к кому означенного господина причислить – к тараканам или все – таки к норовистым лошадям. Ну что за интерес человеку по десять раз одно и то же спрашивать? По дороге с ним куда приятнее общаться было. Или это потому, что теперь он оказался в своем кабинете и наконец – то почувствовал себя хозяином положения?

Потому что господина Лури рядом нет? Впрочем, по этому поводу Карвен испытывал скорее облегчение. Ведь подозрения, которые у него возникли, так и не рассеялись.

– Итак, вы утверждаете... – неутомимо гнул свое начальник стражи, а Карвену все больше и больше хотелось спать. Сил ведь нет, как устал. И он все меньше и меньше был способен хоть что – то утверждать или подтверждать. Если он в самое ближайшее время куда-нибудь не ляжет, то уснет сидя, это точно.

– Итак, вы утверждаете...

– Я утверждаю, что мы ответили на все ваши вопросы по существу дела, – сказал наконец воин. – Ответили по несколько раз каждый. Думаю, этого вполне достаточно. Мой юный друг скоро заснет сидя.

– О! В полусне люди иногда выбалтывают такое... – мечтательно протянул начальник стражи.

– Ну, поскольку мы рассказали вам правду, – с нажимом на последнее слово ответил воин, – вряд ли вам повезет услышать нечто такое, ради чего стоило бы мучить этого юношу. Ведь он показал себя настоящим героем. Мне – что, убивать когда – то было моей работой, моим долгом, наконец, но он – то... для человека, никогда ранее не державшего в руках оружия и ни с кем не сражавшегося, он действовал просто превосходно.

– Верно, – виновато кивнул начальник стражи. – Прошу простить меня, уважаемые... увлекся. Любимая, знаете ли, работа... Вы свободны. Кстати, если вдруг еще что или какие вопросы возникнут, где вы намерены остановиться?

– На постоялом дворе уважаемого Онкета, – ответил воин.

– В «Белой лани»? – удивился Тованн. – И ваши средства вам позволяют?

– Уважаемый Онкет – мой старый знакомый, – ответил воин. – Я мог бы у него остановиться, даже если бы средства мне этого не позволяли. Пойдем, парень. Нас отпускают.

Карвен с трудом сообразил, что последняя фраза относится уже к нему, собрал всю свою силу воли и встал.

«Стыдно виснуть на товарище, он ведь куда как постарше и не меньше твоего устал!» – сурово упрекнула его совесть.

– До свидания, господин капитан, – с трудом выдавил он и оглушительно зевнул, чуть не проглотив занудного господина капитана со всеми его дурацкими вопросами.

Каким чудом он влез на коня, осталось для него полнейшей загадкой. Но влез же! При чем сам. Его вдруг охватил ужас при мысли о том, что он потерял отцовский молот, однако тот нашелся тут же, в дорожной котомке. Когда он успел привязать ее к седлу, вспомнить не удалось, но, главное, молот был. Ощупав горсть земли с могилы матери, а затем поясной кошель, Карвен успокоился окончательно. Все его нехитрое имущество было при нем. В котомке имелась и кое-какая одежда, подаренная на прощание кузнецом, но она волновала Карвена гораздо меньше. Сохранилась, и ладно.

До постоялого двора доехали довольно быстро. Хозяин еще не спал. Наверняка их дожидался... Зато Карвен засыпал уже просто на ходу.

– Не буду я ужинать... – жалобно пробормотал он. – Мне бы куда прилечь... хоть на пол, если больше некуда...

– Нет уж! – почти всерьез обиделся и возмутился хозяин постоялого двора. От обиды и возмущения его речь сделалась почти возвышенной. – Чтоб я людей, которые меня от бед избавляют, на пол клал! На пол! Да не бывать такому!

– И поужинать надо, и умыться, – непререкаемо объявил воин. – Причем умыться раньше, чем поужинать. На нас с тобой столько крови и грязи, что ни за один приличный стол нас пускать нельзя, а любую постель, на какую мы умудримся лечь, завтра придется выбросить!

Карвен мигом разлепил глаза. Что такое чужой труд, он знал хорошо. Отец с матерью в свое время объяснили. И что уважать его нужно больше собственного – тоже.

«Ах, тебе спать хочется, бедненький?! А вот перетопчешься! – прикрикнул он сам на себя. – Ишь вельможа нашелся! Другие за тебя потом прибираться да чистить все должны, что ли?»

– Сегодня заезжие купцы мылись, вода вот прямо сейчас горячая, – добавил хозяин постоялого двора. – И умывальня свободна – ждать не придется. Можно хоть сейчас идти.

– Отлично, – кивнул воин. – Сейчас и пойдем.

Вода и впрямь оказалась горячее, а все тело немилосердно болело. Карвен и представить себе не мог, до какой степени у него, оказывается, все болит.

– Ничего, – утешил его уважаемый Верген. – Это тебя отпускает. А ляг ты сейчас спать – завтра бы вовсе не разогнулся.

У Карвена даже сил хватило одежду постирать, а у хозяина – сообразительности принести сменную.

Что они после того ели, он не запомнил вовсе, равно как и то, где это происходило. Он просто запихнул в себя некоторое количество того, что перед ним поставили. После чего был отведен в лучшую из пустующих комнат и уложен на что – то восхитительно мягкое, что несомненно сумел бы оценить, когда б не заснул к тому моменту. Собственно, Карвена можно было уложить и на голых камнях, вряд ли бы он сейчас почувствовал разницу. Разве что утром...

* * *

Карвен спал, и ему снились разбойники. Мертвые, они лезли на него со всех сторон, и он не успевал отмахиваться от них молотом. «Мы тебя съедим... Вот мы тебя съедим...» – бормотали мертвецы. Потом появилась дочь кузнеца, скинула с себя одежду и стала запрыгивать на спины разбойников, пытаясь на них покататься. «А вот я их заезжу! А вот я их заезжу!» – звонким голосом пела она. «Уходи! Уходи отсюда! Ты что, не видишь, что они мертвые! Они тебя съедят!» – надрывался Карвен, но из его рта не вылетало ни звука. Откуда – то сбоку выскочил начальник стражи. «Эта девушка нарушает закон! – кричал он, потрясая шпагой. – Нельзя кататься на мертвых! Тем более что они являются вещественными доказательствами! Их нужно приобщить к делу!» Он схватил дочь кузнеца, надел на нее оковы, подхватил под мышку и скрылся.

Карвен остался один. Разбойники окружали его все более плотной толпой, их становилось все больше и больше, они лезли на него, дыша кровью и смертью. «Мы тебя съедим... Вот мы тебя съедим...» – слитно бормотали они. Бормотание сливалось в гул, ровный, монотонный и страшный. Тщетно Карвен звал начальника стражи. Тот и не подумал вернуться. По всей видимости, разбойники закона не нарушали. «Ве-ерге-ен!» – наконец сообразив, позвал он. И тот откликнулся. Пришел на помощь со своей верной шпагой.

– Карвен, вставай! Утро уже. Завтрак стынет, – сказал Верген, и Карвен проснулся.

– Завтрак? – пробормотал он, не в силах еще поверить, что все эти кромешные ужасы ему просто привиделись. – Ах, завтрак... черт! Мне только что наши разбойники снились! Они были мертвые и все равно хотели меня убить!

Воин вздохнул и покачал головой.

– Могу себе представить. Ты и так молодцом держишься. Но все равно вылезай из – под одеяла и марш завтракать! – тут же сменил он тон. – Нечего тут валяться и на дохлых разбойников пялиться. Знал бы, что ты такими глупостями во сне занимаешься, раньше бы разбудил!

Сказано было нарочито грубовато, но это было то самое, что нужно. Это был голос друга, старшего товарища, который говорил, что все хорошо, что все идет как надо. Наконец, он про-

сто сообщал, что надлежит далее делать, а иногда это более чем необходимо. Есть такие ситуации, когда без этого просто никак.

Карвен собрался с силами, встал, умылся и направился вниз. После вчерашних приключений все тело противно ныло.

– Да, парень... попал ты, однако, в историю, – пробурчал воин, отодвигая от себя пустую миску и придвигая кувшин с пивом. – Шел себе, шел со своим молотом, никого не трогал, свернул ненароком не в тот трактир... или с тобой и раньше такое случалось?

– Такое-никогда, – искренне ответил Карвен.

– И тем не менее действовал ты отлично. Словно уже бывал в подобных переделках. Тебя кто-нибудь этому учил?

– Чему? – наливая себе пива, спросил Карвен. – Молотом по голове бить? Нет, не учил. Но ведь тут особого ума не надо. Это ж не в кузне работать.

– Я имел в виду не это. Ты правильно действовал в сложной и при этом совершенно внезапно сложившейся обстановке. Этим мало кто может похвастаться.

– Не знаю, – растерялся Карвен. – Это... оно само так получилось. Я просто действовал так, как казалось правильным. А потом появились вы и стали подсказывать. Не так уж и много я сам успел.

– Я отдавал только самые общие приказания, – заметил воин. – И только тебе. Остальных я старался по возможности убрать из – под ног. И знаешь почему?

– Потому что я был в состоянии эти самые приказания выполнить? А остальные – нет?

– Именно, – подтвердил воин. – Выполнить. И при этом выжить. Как любит говорить здешний хранитель законности и порядка, мне это за пистолетный выстрел видно было: ты справишься, а другие – нет. Тебе можно отдать распоряжение, и ты сам догадаешься, как его выполнить, и сделаешь это быстро и не раздумывая. Очень ценное умение, особенно там, где раздумывать некогда, там, где нужно знать или чувствовать, потому что раздумывающего просто убивают. Должно быть, это твое природное свойство. Знал бы ты, как трудно и какой кровавой ценой приходится платить другим за то, что тебе досталось даром!

– Должно быть, Светлые Богини что – то перепутали, – улыбнулся Карвен. – Такое должно было достаться какому-нибудь воину или полководцу. Кузнецу подобная вещь без надобности.

– Возможно, я и говорю сейчас с будущим воином... или даже полководцем, – задумчиво сказал воин. – Кто знает, как сложится твоя дальнейшая судьба? Подумай об этом. Грех ведь такой талант в землю зарывать. Неужто такая плохая доля – стать защитником? Служить королю со шпагой в руках, отстаивая свою землю?

Карвен молчал; его одолевали противоречивые мысли.

С одной стороны, очень хотелось согласиться. Не потому, что ему так уж понравилось то, чем пришлось заниматься. А потому что человек, который ему пришелся по душе, считал это делом настоящим и достойным, а его самого – весьма к нему пригодным.

Да что там говорить... Если разобраться, у него ведь, кроме этого воина, и вовсе никого на белом свете нет. Так и что же? Бросить все, развернуться и уйти? Остаться совсем одному? Ходить от деревни к деревне, предлагая свой труд, собирая по монетке на обустройство, мечтая о том далеком дне, когда удастся осесть и поставить собственную кузню? Ни жены, ни детей... у бродяги какая жена – дети? А к тому моменту, когда у него будет свой дом, не будет ли он уже слишком стар, чтобы думать о семье? Не окажется ли младшая ветвь на кузнецовом дереве бесплодной?

С другой стороны, стать воином – значит оставить отцовское ремесло. Бросить, забыть, предать. Вслед за братьями. Стать таким же, как они. Неужто отец с небес увидит такое? Никогда больше не глядеть в огонь горна, не держать в руках молота. А если и держать, то не для того, чтобы создавать что – то. Для убийства. О да, воин не убивает людей, он уничтожает

врагов. Все правильно. Вот только он не создает ничего нового. Смерть ведь всегда одна и та же, а трупы врагов, если их много, – все одинаковые.

– Мечом плуга не выкуешь, – внезапно молвил воин.

– Что? – удивленно вскинулся Карвен, выныривая из раздумий.

– Мечом плуга не выкуешь, – подмигнув ему, повторил воин старую присказку кузнецов. – Ты ведь об этом сейчас думаешь?

– Об этом, – растерянно признался Карвен.

– Правильно думаешь. И пословица правильная, а только... понимаешь, какая штука... Если мечей совсем не останется, то может так случиться, что некому будет и плуги ковать. И не для кого.

Карвен понимал. Лучше некуда понимал. Есть у Ирнийского королевства старинный враг. Кто знает, с чего там когда – то вражда пошла? Давно было, как говорится, память быльем поросла. Но память памятью, а вражда никуда не делась. Так и норовят добрые соседи в горло вцепиться, а отвернись, и вовсе голову проломят. Можно ли в таком разе без защитников? Нет, недаром Ирния свою армию кормит. Видит Бог – недаром.

– Ладно, оставим это. Я от тебя немедленного ответа не требую. Трудно в одночасье решиться изменить свою жизнь. Быть может, изменить навсегда. Давай пока подумаем о том, что нам с тобой сегодня предстоит.

– А нам что – то еще предстоит? – Карвен мигом припомнил вчерашнего господина с загадочным перстнем. Как его там? Господин Лури? Неужто, пока он спал, его старшему товарищу удалось выяснить, что он и есть главный маг – злодей и теперь они должны отправиться на охоту еще и за ним? Неужто его уделом станет не армия даже, не воинское ремесло, а вечная охота за магами?

– Ничего настолько страшного, как тебе подумалось, судя по выражению твоего лица! – рассмеялся воин. – Нам всего – то и предстоит, что обед у бургомистра, если нам и в самом деле принесут приглашения. Вчерашний господин мог ведь и ошибаться насчет страстного желания местной власти разориться на наш обед.

«Он так ничего и не понял! – ужаснулся юноша. – Или это мне теперь везде злобные маги с перепугу мерещатся?»

– Нельзя нам на обед к бургомистру, – испуганно проговорил он. И, припомнив рассказы бродячих сказителей и заезжих менестрелей, уверенно добавил: – Нас там отравят.

– Ну, это ты загнул, Карвен, – от души ухмыльнулся воин. – Отравят... Это тебе не королевский пир. Никто не станет нас там травить. Правда, скорей всего, будет очень скучно. Или, что еще хуже, нас замучают вопросами и восторгами. Знаешь, в небольших городках, таких как этот, люди рады любому развлечению. А тут столько событий сразу: побоище в трактире, погоня за магом и все прочее. А уж какими слухами это все немедля обрастет... Но отказаться от этого мероприятия, увы, нельзя. Могут выйти неприятности для нас обоих. Не то чтобы я так уж боялся неприятностей, но, знаешь ли, положив за один раз столько народу, лучше быть героем, чем негодяем. А кем нас сочтут, напрямую зависит от бургомистра и прочих влиятельных людей этого города.

– А если сбежать? – выпалил Карвен, продолжая думать о господине Лури.

– Чтоб начальник стражи на радостях, уверовав в свою правоту, с легкой душой объявил нас в розыск как особо опасных преступников? Это же элементарно: сбежав, мы тем самым признаем себя виновными.

– Значит, нельзя сбежать? – Карвен сник.

– И думать забудь, – отрезал воин. – Да что за дурь вдруг пришла тебе в голову? Трудно один вечер в гостях поскучать? Тем более скука не гарантирована, а вот на праздничный обед бургомистр точно не поскупится, можешь быть уверен. И не выдумывай, никто не станет нас

травить. Это ты деревенских сказок про город наслушался. Так в них не больше правды, чем когда королевский бард принцу деревню описывает.

– Как это – не станут травить? – возразил Карвен. – А этот, с перстнем? Обязательно отравит!

Воин нахмурился, отставил в сторону кружку пива и воззрился на юношу.

– С перстнем, говоришь? Значит, тебе тоже этот перстень в глаза бросился? Забавно...

– Интересно, правда? У мага перстень, и у этого перстень. С черным камнем. Как бы не тот самый...

– Мало ли похожих перстней. – Но уверенности в голосе воина не было.

– Не знаю, – ответил Карвен. – Может, и много. Вот только мне почему – то кажется, что перстень один. А господин Лури... он про мага нашего точно что – то знал, недаром ведь со стражей поехал, хоть не эльф и не священник. И испугаться не испугался. И кто он такой?

– Ну, ты, положим, тоже не испугался. Хотя должен был.

– Я бы испугался, но... Весь страх куда – то делся, – признался юноша. – Еще когда разбойники... У меня такое чувство, будто я бегу быстро – быстро и страх от меня попросту отстал. А вот когда нагонит...

– Ничего, – утешил воин. – Нагонит – прибавишь шагу. Так ты и впрямь думаешь, будто перстень тот же самый?

– Не знаю, – честно ответил Карвен. – Но мне так кажется.

– И что же, этот господин Лури забрал его у мертвого мага, получается? Или маг свой перстень, как шпагу, обронил, а этот подобрал? Думаешь, знал, что подбирать? Но как он нашел так быстро? Мы же не нашли. Или... или ты хочешь сказать, что это был какой – то магов сообщник?

– А что, если... – холодея от внезапной уверенности в своих догадках, выдохнул Карвен. – Что, если это и есть тот самый маг?!

– Как?! – Воина аж подбросило. – А за кем мы тогда гнались? Кто от собственных заклятий помер?!

– А его сообщник. Помощник, подручный, ученик, слуга... откуда я знаю? Мало ли что маг может с человеком сделать? Может, он его нарочно нам подсунул, чтоб мы решили, будто все, маг пойман, убит, победа...

– Черт тебя побери, парень. – Воин ошеломленно потряс головой. – Ты как скажешь...

Он одним глотком прикончил свое пиво и встал.

– Доешь, поднимайся наверх, в нашу комнату, – распорядился он. – Кое-куда сходить нужно. Ты ведь составишь мне компанию?

Карвен только кивнул и постарался отвлечься от мыслей о маге. Подумать хотя бы о предстоящем посещении – поверить невозможно! – самого господина бургомистра. Да любой из его братьев не задумываясь пожертвовал бы парой зубов, пусть даже и передних, лишь бы удостоиться эдакой чести – быть принятым в качестве гостя в бургомистровом доме. Да они б за месяц до сего достославного момента сапоги начищать начали! Аккурат к визиту до дыр протерли, босиком бы идти пришлось.

Увы, грядущий обед не занимал Карвена совершенно. А вот маг... то есть господин Лури... Он ведь не может доказать, хотя бы самому себе для начала, что тот является магом, причем именно тем, который виновен во всех происшедших событиях. Мало ли, может, он и впрямь маг, но совершенно тут ни при чем? Может, все маги такие перстни носят?

Карвен старался успокоить себя, развеять беспочвенные подозрения, нельзя же так, не разобравшись, Бог знает в чем человека обвинять? Но внутреннее чутье властно твердило ему иное. Перед его взором мерно и грозно покачивался перстень с черным камнем. А камень, прищурившись, смотрел в душу.

Юноша торопливо допил пиво и поспешил вослед товарищу. Негоже одному куда – то ходить, когда по городу, быть может, маг – преступник разгуливает.

– А куда мы отправимся? – спросил он, закрывая за собой дверь.

– По лавкам пройдемся.

Заметив, как разочарованно вытянулось лицо парня, воин рассмеялся.

– Нет, магов пока ловить не будем! Надо ведь еще доказать, что они существуют где – то, кроме твоего воображения.

– А по лавкам – зачем? – недоуменно поинтересовался Карвен.

– Тебе нужно кое-что купить.

– Мне? – удивился Карвен.

– Тебе, – кивнул воин. – Ты об этом еще не знаешь, но тебе очень нужно кое-что купить. Я собираюсь в этом тебе помочь. Вряд ли ты сможешь сделать правильный выбор самостоятельно.

Карвен собрался уже спросить, чего же ему недостает, по мнению его старшего товарища, но тут в дверь постучали.

«Маг!» – почему – то сразу подумал Карвен. И отругал себя за глупость. Ну какой злобный маг припрется среди бела дня? Для злых чар ночь существует. Да и стучать маг не стал бы. Зачем ему стучать, если он в состоянии сквозь дверь бросить свое заклятие, да и уйти потихоньку?

– Да – да, войдите! – бросил воин. – Кого это там несет? – пробормотал он затем. – С хозяином я вроде бы обо всем договорился...

– Приношу глубочайшие извинения за то, что мы посмели нарушить ваше скромное уединение, – промолвил голос человека, нимало не сожалеющего о своих поступках, – голос, совершенно не похожий на голос уважаемого Онкета. «Говорят, если про черта подумать, то он обязательно явится», – мелькнуло у Карвена. Что ж, быть может, обладатель перстня с черным камнем, господин Лури, и не был чертом, но он явно имел сходные привычки.

Дверь отворилась. В глазах воина на миг мелькнуло нечто такое, что Карвену довелось видеть лишь раз, когда он ненароком поймал взгляд своего сотоварища, пронзающего разбойника. Он уже подумал было, что господин с перстнем перехитрил сам себя и ему не уйти живым из этой комнаты. Но господин Лури оказался еще хитрее, – может, и впрямь брал уроки у черта? Он не стал рисковать жизнью, он выслал перед собой могучую рать, против которой даже опытный воин, коим несомненно являлся уважаемый Верген, оказался совершенно бессилен.

В открытую дверь прошествовали три женщины. Мерзавец с перстнем вошел следом. Дверь захлопнулась, словно капкан. Осталось понять, кто именно попался.

– Эти прекрасные дамы просто не смогли дожидаться обеда в вашу честь, даваемого городской магистратурой, и умоляли меня немедленно представить их новым героям города, – весело проговорил господин Лури.

– Речь шла об обеде у господина бургомистра, – напомнил воин.

– Верно, – кивнул господин Лури, – все так и было. Но когда господа члены магистрата узнали от меня, от какой беды был спасен наш славный город, и о том, что спасители ныне изволят пребывать в его стенах... они просто не могли поступить иначе. Все горят желанием высказать вам свое восхищение. Вас, господа, так просто не отпустят!

С этими словами он протянул им приглашения как на обед у бургомистра, так и на обед, даваемый городской магистратурой.

«Если нас вообще отпустят!» – мелькнуло у Карвена. Что ж, по крайней мере с тем, кто именно попался, все стало предельно ясно. Равно как и с тем, что никуда они немедленно не уедут. Пока у бургомистра не пообедают. И в магистрате. И еще где-нибудь. А может, и потом не уедут. Кто знает, какую ловушку приготовил им господин Лури?

«И все – таки он маг! – подумал Карвен. – А если не маг, так просто злодей и мерзавец! Это он сейчас хорошим притворяется, пока ему это зачем – то надо, а уж когда перестанет!..»

Меж тем прекрасные дамы изощрялись в красноречии, восхваляя подвиг, свершенный героями, и в красках описывая свои переживания по поводу одного. Их звонкая размеренная болтовня походила на птичье щебетанье в весеннем лесу, и смысла в ней было столько же. Впрочем, Карвен этого не замечал. Не мог заметить. Сын простого деревенского кузнеца, он впервые попал в подобное общество и был ошеломлен до крайности. Вряд ли он мог бы ответить, во что были одеты прекрасные дамы, были они молоды или стары... Он был ослеплен невероятным, как ему казалось, блеском, где уж тут кого – то рассматривать!..

– Да, госпожи, – отвечал он, смущенный пристальным вниманием к себе столь восхитительных особ. – Да, было очень страшно...

– Но вы героически преодолели в себе минутную слабость, как и положено подлинному герою, и храбро бросились в бой! – тотчас восклицала дама, патетически заламывая восхитительные руки.

– А что еще оставалось делать?.. – покорно отзывался Карвен. – Они бы нас всех иначе убили.

– О! Как это верно! Ваши слова продиктованы суровой прямоотой, коей отличаются истинно мужественные сердца! – Дама прижимала к собственному сердцу веер и соблазнительно покачивала восхитительным бюстом.

Карвен бюстов не замечал. Его настолько ошарашило то, что столь важные госпожи снизошли до разговора с ним, что ему было не до тонкостей. Скажи ему кто, что госпожа такая же женщина, как и любая крестьянка, он бы, пожалуй, не поверил. Подобная крамольная мысль просто не могла прийти ему в голову. Поэтому все женские хитрости и уловки пропадали впустую.

– Ах, говорят, было столько крови! – снова восклицала прекрасная дама, и слово «кровь» звучало в ее устах, быть может, еще более страстно, чем если бы она попробовала произнести «люблю».

– Да, крови было порядком... – соглашался седьмой сын кузнеца, с ужасом припоминая все то, о чем он и слышать бы не хотел, да вот – вышло не только послушать, а и поучаствовать...

– Какой, должно быть, у – у – ужас! – с придыханием тянула дама, и ее глаза, устремленные на юного героя, вспыхивали жгучим восторгом.

– Ага, – покорно соглашался герой. – Ужас, госпожа...

И решительно не отвечал на ее призывные взгляды. Дама начинала закипать. Нет, что же это такое получается?! Она тут старается, а этот... она уже, можно сказать, готова упасть в его мужественные объятия, а он даже вида не подает, что готов ее подхватить!

Мало того, что дамы явились втроем и каждая желала заполучить хоть одного героя себе в кавалеры – а лучше обоих, прочим на зависть. Героев и без того на всех не хватало, а ведь никто оказаться лишней и выставить себя на посмешище, разумеется, не хотел. И будто этого мало, один из намеченных кавалеров ведет себя так, словно все их старания его совершенно не касаются!

В результате две дамы постарше и поопытнее, быстро смекнув, что с таким кавалером позору не оберешься, мигом переключились на воина, оставив третьей бесполезные, как они решили, попытки соблазнить Карвена.

Третья, самая молоденькая, уже жалела, что ввязалась в эту проклятую авантюру. Не надо было ей сюда ехать! Не надо! Мало ли, что господин Лури говорил! Лучше было дома остаться. Потому что, как бы там ни вышло, а над ней – то уж точно станут смеяться. Никто ведь не поверит, что она сама не захотела. А уж чего соперницы понараскажут!..

Ей оставалось только продолжать свои бесполезные попытки соблазнить этого недотепу, потихоньку начиная ненавидеть все те глупости, которые она говорит и делает, и того, кто на них почему – то не ловится, хотя все уверяли, что мужчины от подобного просто без ума.

– Совершая подвиг, вы, вероятно, в душе посвящали его какой-нибудь прекрасной даме, – тем временем произносили ее губы. В голосе помимо воли звучало уже самое настоящее отчаяние.

– Там не было прекрасных дам, – неуклюже ляпнул Карвен и испуганно заткнулся, понимая, что сморозил что – то не то. Госпожа с такой болью на него посмотрела. С такой обидой! Но что же он... Ведь правда же не было! Женщины почти сразу разбежались, служанки всегда знают, через какую дверь ловчее удирать, а, кроме служанок, там... ну, не было там женщин, а уж прекрасных...

– Совершая свой беспримерный подвиг, юноша несомненно думал о вас, госпожа Айнир, – пришел на помощь господин Лури. – Врожденная скромность не позволяет ему сказать вам об этом прямо, но я – то вижу...

– Ах! Как это мило! – Покрасневшая дама спряталась за веером, а Карвен уставился на нее почти с ужасом.

«Этого просто не может быть! – сказал он сам себе. – Это мне просто послышалось!» Он с упреком посмотрел на господина Лури. А тот вдруг заговорщически улыбнулся краем рта. Карвен вздрогнул и в панике перевел взгляд на своего сотоварища, рассчитывая хоть на какую – то подсказку с его стороны.

Но ему было не до того – его изо всех сил очаровывали сразу две дамы. Их веера взмахивали кокетливо и решительно, а сами госпожи орудовали ими с ловкостью опытных фехтовальщиков. Воину приходилось нелегко. Похоже, он отступал шаг за шагом, теснимый более опытным и превосходящим в числе противником.

«Они его охмуряют! – сформулировал наконец для себя Карвен. – Они на самом деле его охмуряют!»

И посмотрел на «свою» даму.

«Они его охмуряют. Да. А эта меня – что?»

«Быть того не может! А что может?»

«Да я ж для нее – никто! Именно поэтому она так покраснела? И даже веером закрылась?!»

Светлые Богини, спасите меня! Что же мне делать?!

Осознание того, что благородная и прекрасная дама домогается его внимания, интересует им... как мужчиной, повергло его в неопиcуемый ужас. Что ж, по крайней мере, он решился это осознать, что было на свой лад куда более мужественным, чем сражение с околдованными разбойниками. И потребовало куда большей храбрости.

«Благородная госпожа меня... хочет?! А так вообще бывает?»

Собрав остатки здравого смысла, он напомнил себе, что дети рождаются не только у простых смертных, благородные господа с этим тоже как – то справляются. А значит... Если предположить, что слава героя – пусть и совершенно незаслуженная, ну какой из него, к чертям, герой? – если предположить, что она слава это такой плащ, из – под которого крестьянских портков не видно...

– Глубокая задумчивость всегда отличала истинно великих, – говорил меж тем господин Лури даме, а та кивала, помахивая веером.

– Расскажите же мне еще что-нибудь! – вымолвила она глубоким грудным голосом, обращаясь к Карвену. Ее бездонные глаза, рассыпанные по плечам кудри... – Умоляю, расскажите мне еще что-нибудь о ваших бессмертных подвигах! – Она вновь заломила прелестные руки, и мироздание обрушилось Карвену на голову. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что язык тем не менее не подвел, вот только рассказывает он совсем не о подвигах. Спокойным и разме-

ренным тоном он пересказывал даме «Основы кузнечного ремесла, от предков завешанные», а та внимательно и с интересом слушала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.